

Димитрій Константиновичъ суздальскій.

р. 1323 (?) † 1383.

Димитрій Константиновичъ занялъ великокняжескій столъ «не по отчнѣ и не по дѣдинѣ» въ **1360** г. и княжилъ по **1362**. Въ **1363** г. онъ нѣсколько дней также продержался во Владимірѣ, откуда выгнанъ былъ боярами Димитрія Ивановича въ Суздаль. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ отдѣлѣ о князьяхъ суздальско-нижегородскихъ во II-мъ т.

Димитрій Ивановичъ Донской.

р. 1350 † 1389.

Послѣ Ивана Ивановича остались два сына, Димитрій и Иванъ — оба малолѣтки, и племянникъ, сынъ Андрея Ивановича, Владиміръ (впослѣдствіи *Храбрый*), также малолѣтній. — По духовному завѣщанію Ивана Ивановича, Москва, отчина его, назначена Димитрію и Ивану, а треть доходовъ съ нея — ихъ двоюродному брату, Владиміру; раздѣлъ же волостей произведенъ сообразно со старшинствомъ каждаго: Димитрію даны Можайскъ и Коломна съ селами, Ивану — Звенигородъ и Руза, Владиміру — удѣлъ его отца, женѣ Александрѣ — нѣкоторыя Коломенскія волости, село Семицкое на Москвѣ и съ двухъ сыновнихъ жеребьевъ изъ московской тамги одна треть. Села и все недвижимое имущество послѣ Александры идутъ Димитрію и Ивану, — послѣ Ульяны, второй жены Ивана Калиты — Димитрію, Ивану и Владиміру; послѣ вдовы Семена, Маріи — одному Димитрію²³⁸). Иванъ Ивановичъ вскорѣ (**1364** г.) умеръ, и его надѣлъ перешелъ въ руки Димитрія Ивановича.

Въ **1359** г. умеръ Бердибекъ, и ханомъ сдѣлался родственникъ его, Кулпа, который, чрезъ 5 мѣсяцевъ по воцареніи, былъ убитъ Наврусомъ.

238) С. г. г. и д. I, № 25—26. До смерти Ивана Ивановича, изъ жизни Димитрія извѣстенъ только слѣдующій фактъ: когда митрополитъ Алексій, въ 1358 году, возвращался изъ орды, куда ходилъ, по просьбѣ великаго князя, для умопостивленія хана Бердибека, то встрѣченъ былъ велико-княжескимъ семействомъ, боярами и народомъ, причемъ, будто бы, 8-лѣтній Димитрій сказалъ ему краткую рѣчь (Степ. кн. I, 457).—Никонов. лѣтоп. (III, 193) рожденіе Димитрія отмѣчаетъ подъ 12 окт. 1350 года.

Русскіе князья явились къ новому хану, который далъ великое княженіе младшему изъ суздальскихъ князей, Дмитрію Константиновичу, «не по отчнѣ, не по дѣдинѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Это замѣчаніе лѣтописца весьма знаменательно: мы заключаемъ по нему, что въ тогдашнемъ обществѣ въ это время уже сильно укоренилось понятіе о томъ, что великокняжескій столъ есть исключительное достояніе московскихъ князей... 22 іюня **1360 г.** Дмитрій Константиновичъ прибылъ во Владиміръ. Между тѣмъ въ ордѣ начались убійства хановъ: одинъ ханъ убивалъ другаго, для того, чтобы, по занятіи престола, самому подвергнуться такой же насильственной смерти; началась, по характерному выраженію лѣтописи, «замятня». Дмитрій Ивановичъ былъ также въ ордѣ, но онъ выѣхалъ оттуда еще до замятни, въ **1361 г.**²³⁹).

Юный Дмитрій или, лучше, его совѣтники и руководители — митрополитъ и бояре — не думали уступать суздальскому князю. Дмитрій Ивановичъ предъявилъ свои права на великокняжеское достоинство и звалъ суздальскаго князя на судъ хана. Хановъ теперь было два: въ ордѣ — Муратъ, и на правой сторонѣ Волги — Авдулъ, креатура Мамай. Въ **1362 г.** кличчен обоихъ соперниковъ отправилъ въ орду. Муратъ призналъ великокняжеское достоинство за княземъ московскимъ «по отчнѣ и по дѣдинѣ»²⁴⁰). Но Дмитрій Константиновичъ, въ свою очередь, не хотѣлъ уступать московскому князю: онъ сѣлъ въ Переяславль. Тогда московскіе бояре, взявъ съ собой троихъ юныхъ князей, т. е. Дмитрія, Ивана и Владиміра, пошли ратью къ Переяславу. Дмитрій Константиновичъ бѣжалъ сначала во Владиміръ, а потомъ въ Суздаль. Московскій князь вошелъ во Владиміръ и сѣлъ на столѣ отца и дѣда. Пробывъ здѣсь три недѣли, онъ распустилъ войско и отправился въ Москву. — Къ этому, кажется, времени надобно отнести его договорную грамоту съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ: конечно, бояре позаботились, для устраненія въ будущемъ какихъ-либо недоразумѣній, опредѣлить взаимныя отношенія братьевъ. По этой грамотѣ, Дмитрій Ивановичъ долженъ быть Владиміру въ отца мѣсто, а Владиміръ — держать подъ братомъ своимъ его великое княженіе честно и грозно, хотѣтъ ему во всемъ добра, не искать удѣла Семена Ивановича, которымъ благословилъ его отецъ. Кромѣ того, братья цѣловали крестъ

239) П. С. Р. Л. IV, 64; V, 229; VIII, 10—11; Ник. III, 215.

240) Ibid. IV, 64 и VII, 225. — Къ 1362 году издатели Собранія г. г. и д. относятъ, безъ всякихъ оговорокъ, договорную грамоту Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (№ 27). Эта грамота напечатана и въ «Древней Росс. Вивліое.», гдѣ замѣчено, что года на ней не показано, «а по лѣтописямъ слѣдуетъ быть между 1362 и 1378 годами», т. е. между годомъ вступленія Дмитрія на великокняжескій столъ и годомъ смерти митрополита Алексія, который упоминается въ грамотѣ. Карамз. относитъ ее къ 1364 году.

и на томъ, чтобы имѣть общихъ друзей и враговъ, безъ обоюднаго согласія ни съ кѣмъ не ссылаться и не вмѣшиваться одному въ управленіе удѣломъ другаго. Далѣе, Владиміръ обязанъ давать ордынскую тягость и проторъ съ своего удѣла по старымъ сверткамъ. Въ случаѣ войны, всѣ бояре Владиміра, гдѣ бы кто ни жилъ, должны быть подъ стягомъ своего князя.

Въ слѣдующемъ **1363 г.** во Владиміръ прибылъ посолъ отъ хана Авдула съ великокняжескимъ ярлыкомъ для Димитрія — предупредительность, указывающая на желаніе Авдула, чтобы московскій князь призналъ его ханомъ. Димитрій и отъ этого хана взялъ ярлыкъ, честилъ посла и отпустилъ его съ дарами. Вѣроятно, бояре думали полученіемъ ярлыка и отъ другаго хана преградить всѣ пути къ искательству суздальскаго князя, или же они поступили такъ въ виду неопредѣленнаго положенія дѣлъ въ ордѣ при соперничествѣ двухъ хановъ. Во всякомъ случаѣ, они сдѣлали ошибку: Муратъ, въ гнѣвѣ на московскаго князя за то, что онъ принялъ ярлыкъ отъ его соперника и тѣмъ какъ бы призналъ послѣдняго ханомъ, прислалъ, съ бывшимъ въ ордѣ кн. Иваномъ бѣлозерскимъ (дѣйствовавшимъ тамъ во вредъ московскому князю) и своимъ посломъ Илякомъ ярлыкъ на великое княженіе Димитрію суздальскому, который и отправился во Владиміръ. Димитрій Ивановичъ (конечно, бояре) и братья его съ многочисленнымъ войскомъ пошли на суздальскаго князя и выгнали его изъ Владиміра, гдѣ онъ, на этотъ разъ, сидѣлъ около 12 дней. Димитрій Константиновичъ бѣжалъ въ Суздаль, куда отправилось и московское войско. Около Суздаля москвичи все опустошили, и Димитрій Константиновичъ смирился. Противники заключили миръ, послѣ чего московскій князь, взявъ «волю свою» надъ суздальскимъ, ушелъ во Владиміръ. Смиривъ суздальскаго князя, Димитрій Ивановичъ смирялъ и другихъ князей: такъ онъ смирилъ кн. Константина ростовскаго, изъ Галича выгналъ кн. Димитрія Ивановича, взявъ жену его въ плѣнъ, а изъ Стародуба — кн. Ивана Ѳеодоровича, удѣлы которыхъ оставилъ за собой. Изгнанники удалились въ Нижній-Новгородъ, къ Димитрію Константиновичу, можетъ быть, въ надеждѣ поднять его на московскаго князя. Но Димитрій Константиновичъ, какъ видно, не хотѣлъ и думать о томъ: въ **1365 г.** изъ орды пришелъ сынъ его, Василій, съ ханскимъ посломъ, который предлагалъ ему ярлыкъ на великое княженіе; но Димитрій Константиновичъ отказался отъ него въ пользу московскаго князя, къ которому обратился даже съ просьбой о помощи въ борьбѣ его за Нижній-Новгородъ съ младшимъ братомъ, Борисомъ. Такъ постепенно предъ московскимъ княземъ смиряются всѣ другіе князья сѣверо-восточной Руси, даже такіе, какъ суздальско-нижегородскій, носившій также титулъ

великаго князя. Вообще, изъ всѣхъ дѣйствій вел. кн. московскаго, или его совѣтниковъ, видно, что въ Москвѣ ясно сознана была идея единодержавія: вотъ почему болѣе слабыхъ князей Москва старается подчинить себѣ и даже уничтожить, болѣе сильныхъ — ослабить, и при этомъ, какъ сейчасъ увидимъ, употреблялись всевозможныя средства для достиженія цѣли — употреблялось оружіе какъ мірское, такъ и духовное²⁴¹).

Въ 1365 г. іюня 2 умеръ въ Нижнемъ Новгородѣ старшій братъ Димитрія Константиновича, Андрей, и Нижнимъ овладѣлъ самый младшій изъ братьевъ, Борисъ Константиновичъ. Димитрій, узнавъ о смерти старшаго брата, отправился въ Нижній, но Борисъ не пустилъ его туда, почему Димитрій отправился въ Москву просить помощи у московскаго князя противъ младшаго брата. Тогда епископъ суздальскій и нижегородскій былъ лишенъ сана, а въ Нижній-Новгородъ великій князь послалъ преп. Сергія — звать Бориса къ себѣ, чтобы примирить его съ братомъ, — Борисъ не пошелъ. Князей судитъ только Богъ, отвѣчалъ онъ на зовъ. Тогда употреблена была такая же мѣра, какъ и противъ Пскова, когда въ немъ засѣлъ Александръ тверскій: Сергій, по приказанію митрополита и великаго князя, долженъ былъ затворить церкви. Но и эта мѣра не помогла. Тогда великій князь далъ Димитрію Константиновичу рать свою. Только теперь Борисъ вышелъ на встрѣчу и просилъ мира, отступаясь отъ Нижняго-Новгорода. Старшій братъ занялъ Нижній, а младшій — Городецъ. Такимъ образомъ, Димитрій Ивановичъ теперь помогаетъ смпрившемуся передъ нимъ бывшему сопернику, даже вступаетъ (въ 1366 г.) въ бракъ съ его дочерью, Евдокіей²⁴²).

Въ слѣдующемъ 1366 г. у Димитрія Ивановича вышло розмирье съ Новгородомъ: новгородскіе молодые люди, или, какъ называется ихъ Никон. лѣт., «младыя дворянчики», въ своихъ ушкуняхъ прогулялись по Волгѣ, пограбили въ Нижнемъ-Новгородѣ торговыхъ людей: татаръ, армянъ и др.,

241) Ibid. I, 231; II, 350; IV, 64; V, 229; VII, 225; VIII, 11, 13, 120; Ник. III, 219 до конца и IV, 3—10; Твер. 428; С. г. г. и д. № 27. Въ Соф. первой (т. V-й) подъ 1363 годомъ говорится, что Димитрій Ивановичъ (великій князь) согналъ Димитрія Константиновича съ Великаго княженія и съ Галича... Очевидно, здѣсь Димитрій Константиновичъ смѣшанъ съ Димитріемъ Ивановичемъ галицкимъ, сыномъ Ивана Давыдовича. Въ слѣдъ за тѣмъ тамъ же говорится, что ростовскій кн. Андрей Федоровичъ пріѣхалъ изъ Переяслава въ Ростовъ, а съ нимъ кн. Иванъ Ржевскій «съ силою». Но зачѣмъ Андрей былъ въ Переяславѣ, неизвѣстно. Не помогалъ ли онъ Димитрію Ивановичу въ борьбѣ его съ княземъ суздальскимъ? По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что онъ хотя и былъ еще вполне самостоятельнымъ княземъ, но вѣрно служилъ московскому князю.

242) Ibid. IV, 65; V, 280; VIII, 13; Ник. IV, 10. Вѣроятно, въ связи съ этой борьбой братьевъ находится отнятіе митрополитомъ Алексіемъ Новгородской и Городецкой епископии отъ суздальскаго владыки Алексія (Ник. ibid.).

прошли въ Каму и по пути также все грабили. Великій князь сдѣлалъ запросъ новгородцамъ, зачѣмъ они ходили грабить и бить его гостей, и въ гнѣвъ расторгъ съ Новгородомъ миръ, вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ и приказалъ схватить на Вологдѣ и доставить въ Москву новгородскаго двинскаго боярина, Василя Даниловича съ сыномъ. — Между тѣмъ какъ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ замышляютъ и начинаютъ приводить въ исполненіе планъ объ укреплѣніи Москвы («замыслиша ставити городъ Москву камень»), новгородцы одумались и просили великаго князя о мирѣ, по заключеніи котораго, въ 1367 г., въ Новгородъ посланъ былъ великокняжескій намѣстникъ и съ Москвы отпущенъ захваченный въ Вологдѣ бояринъ Василій²⁴³).

Съ 1367 г. на первый планъ выступаютъ отношенія Москвы къ Твери. Въ послѣдней происходила борьба между дядей и племянникомъ — между Василюмъ Михайловичемъ (кашинскій) и Михаиломъ Александровичемъ микулинскимъ за удѣлъ Семена Константиновича дорогобужскаго. Послѣдній отказалъ свой удѣлъ, помимо роднаго брата Еремѣя и Василя Михайловича, кн. микулинскому, котораго особенно любилъ и уважалъ²⁴⁴). Спорящія стороны обратились въ Москву, къ митрополиту, который назначилъ третейскимъ судьей тверскаго владыку Василя; владыка оправилъ кн. микулинскаго. Не смотря на благопріятный исходъ дѣла, Михаилъ Александровичъ ясно видѣлъ, что Москва беретъ сторону его врага. Кромѣ того, когда, послѣ такъ называемаго «великаго пожара Всесвятскаго», Димитрій Ивановичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ задумали укрѣпить Москву, то тогда же великій князь началъ приводить въ свою волю всѣхъ князей русскихъ, а которые не повиновались его волѣ, «и на тѣхъ нача посегати, тако же и на кн. Михаила Александровича тверскаго»²⁴⁵). Послѣднему ничего не оставалось дѣлать, какъ только искать сильнаго союзника, и онъ обратился въ Литву, къ зятю своему Ольгерду. Между тѣмъ въ его отсутствіе Василій кашинскій съ сыномъ и племянникомъ Еремѣемъ позвали въ Москву, на судъ къ митрополиту, владыку Василя, будто бы присудившаго удѣлъ кн. Семена кн. Михаилу не по правдѣ; Василій, кажется, былъ обвиненъ. Послѣ того кашинскій князь пошелъ ратью на Тверь; ему помогали московскія войска. 27-го октября Михаилъ Александровичъ пришелъ отъ Ольгерда съ вспомогательными литовскими войсками

243) Ibid. III, 88, 229; IV, 65—66 (отъѣздъ намѣстниковъ изъ Новгорода отнесенъ здѣсь къ 1367 году); V, 230—231; VIII, 14—15; Ник. IV, 12 и д.

244) Подробности см. въ соответственныхъ мѣстахъ подъ упоминаемыми здѣсь тверскими князьями, во II-мъ томѣ.

245) Ник. IV, 8, 15.

и такъ повелѣ дѣла, что кн. кашинскій попросилъ мира; Михаилъ Александровичъ взялъ миръ съ дядей, кн. Еремѣемъ и в. кн. московскимъ, но неизвестно, на какихъ условіяхъ³⁴⁶). Впрочемъ, въ томъ же **1367 г.** Еремѣй сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу и отъѣхалъ на Москву къ Димитрію Ивановичу, кажется, съ жалобами на Михаила, — по крайней мѣрѣ послѣдующія событія указываютъ на это. Въ слѣдующемъ **1368 г.** Димитрій Ивановичъ и митрополитъ лаской зазвали Михаила Александровича въ Москву, задержали тамъ, судили по дѣлу съ Еремѣемъ, а послѣ суда схватили его и бояръ его, посадили въ заключеніе и держали «въ истомленіи велицѣмъ на Гавшинѣ дворѣ». Вѣроятно, въ связи съ этими событіями стоитъ и захватъ, въ томъ же году, Владиміромъ Андреевичемъ Ржевы. Въ это время являются въ Москву три ордынскихъ князя: Карачай, Ояндаръ и Тютеша; отъ нихъ Димитрій Ивановичъ узналъ «новины нестройны себѣ пзъ орды». Эти послы, «слышавше сия (что происходило въ Москвѣ) усумнѣшась», и поэтому-то, конечно, Димитрій Ивановичъ освободилъ Михаила Александровича, укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ (неизвестно, относительно чего), и отпустилъ въ Тверь. Впрочемъ, тогда же Димитрій Ивановичъ отнялъ у тверскаго князя Градокъ, часть княжь-Семенова удѣла, въ которомъ сѣлъ его намѣстникъ съ кн. Еремѣемъ, братомъ кн. Семена. Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ уѣхалъ пзъ Москвы, и уѣхалъ, конечно, врагомъ великаго князя и митрополита³⁴⁷).

И такъ, Димитрій и Михаилъ, какъ бы то ни было, примирились, хотя бы только наружно. Но обстоятельства, вызвавшія это примиреніе (пріѣздъ въ Москву трехъ ордынскихъ князей), какъ видно, устранились. Въ то же время умеръ Василій кашинскій, сторонникъ Димитрія. Михаилъ становился теперь вполне и безспорно великимъ княземъ тверскимъ, и въ этомъ положеніи, имѣя несомнѣнно громадное вліяніе на удѣльныхъ князей, могъ быть опасенъ Москвѣ, особенно если взять въ расчетъ его умъ и энергію. Можетъ быть, желая вообще ослабить тверскаго князя, или предотвратить сильную коалицію со стороны тверскихъ князей противъ Москвы, Димитрій Ивановичъ въ томъ же 1368 году, вскорѣ по отбытіи Михаила изъ Москвы, послалъ сильную рать на Тверь. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву и со слезами просилъ зятя помочь ему, просилъ самъ и чрезъ сестру свою, жену Ольгерда. Ольгердъ, наконецъ, внявъ просьбамъ шурина или жены своей, выступилъ въ походъ съ братомъ Кейстутомъ, племянникомъ Витовтомъ, который тогда былъ, по выраженію лѣтописца, еще «младъ и не-

246) Ник. IV, 15—17; Татищ. IV, 208—9.

247) П. С. Р. Л. VIII, 15; XV, 428; Ник. IV, 17, 19; Татищ. IV, 209, 211.

славенъ», и съ сыновьями; съ нимъ была и смоленская рать, а потомъ присоединилась и тверская. Благодаря военной тактикѣ Ольгерда — хранить въ тайнѣ цѣль и направленіе похода, — Димитрій Ивановичъ узналъ о нашествіи враговъ уже тогда, когда готовиться къ отпору было поздно. Изъ московской, коломенской и дмитровской ратей онъ наскоро составилъ сторожевой полкъ; начальство надъ нимъ ввѣрено было Димитрію Минину и Акинѣу Шубѣ, боярину Владиміра Андреевича. Между тѣмъ Ольгердъ быстро подвигался къ Москвѣ, обозначая свой путь огнемъ и мечемъ. Въ волости Холохлѣ кн. стародубскій, Семень Димитріевичъ Крапива, а въ Оболенскѣ — кн. Ковстантинъ, потомокъ Михаила черниговскаго, оказали сопротивленіе Ольгерду, но заплатились за это жизнью. Наконецъ, при рѣкѣ Тростнѣ Ольгердъ встрѣтился съ московскимъ сторожевымъ полкомъ, который, въ ожесточенной битвѣ, былъ весь истребленъ. Это было 21 ноября 1368 г. Димитрій Ивановичъ, митрополитъ, Владиміръ Андреевичъ и бояре заперлись въ Москвѣ, какъ тогда говорили, засѣли въ осаду. Три дня стоялъ Ольгердъ подъ Москвой, но города взять не могъ, а потому, сожегши посадъ и опустошивши окрестности, онъ пошелъ въ обратный путь, все предавая огню, а людей и скотъ забирая съ собой. По замѣчанію лѣтописца, такого зла и отъ татаръ не было²⁴⁸). Такъ или иначе, Михаилъ отмстилъ великому князю московскому, который долженъ былъ примириться съ нимъ и даже возвратитъ ему Градокъ и, кромѣ того, отпустить Еремѣя дорогубужскаго въ Тверь²⁴⁹).

На время великій князь московскій вынужденъ былъ оставить тверскаго князя въ покоѣ и обратитъ вниманіе свое на сѣверо-востокъ, гдѣ Псковъ находился въ неріязненныхъ отношеніяхъ какъ къ Новгороду, такъ и къ нѣмцамъ, изъ-за границъ. Димитрій Ивановичъ послалъ туда двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича. Великій князь отправлялъ и посла въ Дерптъ, но посольство это не имѣло успѣха. Прибытіе Владиміра Андреевича возстановило, по крайней мѣрѣ, согласіе между псковичами и новгородцами, совмѣстное дѣйствіе которыхъ противъ нѣмцевъ имѣло успѣхъ²⁵⁰). Между тѣмъ Москва, какъ видно, немного отдохнула и оправилась послѣ Ольгердова нашествия. Однако московскій князь, конечно, въ ожиданіи какихъ бы то ни было столкновений съ сосѣдями, обратилъ вниманіе на слабо

248) Ibid. I, 231; II, 350 (подъ 1367 годомъ); IV, 66; V, 231; VIII, 15—16; XV, 423—429; Ник. IV, 20—23 говоритъ, что Ольгердъ согласился идти на Москву, преимущественно благодаря просьбамъ жены своей, Ульяны. Битва на Тростнѣ, по Воскр. и Троицк. лѣтописямъ, произошла 21 декабря, а по Никон. — 21 ноября. — Рѣка Тростна и озеро Тростенское — въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ.

249) Ник. IV, 24.

250) П. С. Р. Л. I, 231; III, 89; IV, 66, 191; V, 15, 231; VIII, 16; Карамз. V, 10—11.

укрѣпленные пункты: Москва еще въ предъидущемъ году была укрѣплена; теперь, въ **1369 г.**, Димитрій Ивановичъ заложилъ городъ Переяславль, который въ томъ же году и былъ срубленъ. Тогда же, — вѣроятно, за участіе въ набѣгѣ Ольгерда на Москву, — москвичи и волочане воевали смоленскія волости, а въ слѣдующемъ **1370 г.** великій князь посылалъ рать на городъ Брянскъ²⁵¹). Наконецъ, очередь опять дошла и до Твери.

Въ августѣ 1370 года Димитрій Ивановичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу, что заставило послѣдняго отправиться въ Литву просить помощи у Ольгерда. Посланная Димитріемъ въ Тверскую землю рать предавала все мечу и огню и воротилась съ большимъ полономъ. Въ сентябрѣ самъ Димитрій выступилъ съ войсками, взялъ Зубцовъ и Микулинъ, вообще «всѣ волости и села тверскія повоевали и пожгли и пусто сотворили, а людей многое множество въ полонъ повели, и все богатство ихъ взяли, и весь скотъ ихъ взяли въ свою землю»; въ Москву Димитрій Ивановичъ и его сподвижники пошли «со многимъ богатствомъ и корыстію и землю свою всю многого скота наполниша и смириша тверичъ до зела». Между тѣмъ Ольгердъ, отвлекаемый нѣмцами, на этотъ разъ не могъ оказать помощи своему шурину. Михаилъ поѣхалъ въ орду, выхлопоталъ тамъ отъ ставленника Мамаева, хана Магометъ-султана, ярлыкъ на великое княженіе; онъ возвращался на Русь съ посломъ Сарыхожей. Димитрій Ивановичъ разставилъ по дорогамъ заставы, чтобы перехватить тверскаго князя; но Михаилу дали знать объ этомъ его московскіе доброхоты, и онъ направилъ путь въ Литву и опять просилъ у Ольгерда помощи, на этотъ разъ съ успѣхомъ. Съ Ольгердомъ, кромѣ Михаила Александровича, шли: братъ его Кейстутъ, князья литовскіе и кн. смоленскій, Святославъ Ивановичъ. Въ ноябрѣ соединенные князья подошли къ Волоку-Ламскому и пожгли посадъ, но города не взяли. Простоявъ тутъ три дня и забравши большой полонъ, они направились къ Москвѣ и пришли туда 6-го декабря. Димитрій, какъ и при первомъ нашествіи Ольгерда, затворился въ городѣ. Союзники пожгли посадъ и все, что можно было сжечь вокругъ Москвы; но, простоявъ восемь дней, города взять не могли. Между тѣмъ кн. Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, отовсюду сзывая къ себѣ рати. Сюда пришелъ, между прочимъ, и Владиміръ Димитріевичъ, князь пронскій, съ ратью Олега Ивановича рязанскаго. Услышавъ о собраніи около

251) Ibid. V, 231; VIII, 16—17; Ник. IV, 24; «Русск. Ист.» К. Н. Б.-Рюмина, I, 400. Брянскъ воевали потому, что кн. брянскій Димитрій, или — по крайней мѣрѣ — его рати участвовали, вѣроятно, въ набѣгѣ Ольгерда на Москву. Димитрій брянскій былъ подручникомъ Ольгерда. Вѣроятно также и то, что московскій князь просто хотѣлъ возратить этотъ городъ, утраченный его отцемъ.

Владимира Андреевича большихъ силъ, Ольгердъ началъ просить у Димитрія Ивановича вѣчнаго мира, предлагая выдать дочь свою за Владимира Андреевича. Но Димитрій согласился только на перемиріе до Петрова дня. Примирившись Ольгердъ пошелъ во-свояси, но съ большой осторожностью, «озираясь сѣмо и овамо», потому что боялся погони; Михайлъ также ушелъ въ Тверь, примирившись съ московскимъ княземъ. Черезъ нѣсколько времени отъ Ольгерда явились послы, чтобы устный перемирный договоръ оформить и написать. На одной изъ договаривающихся сторонъ стояли: вел. кн. московскій и двоюродный братъ его, Владимиръ Андреевичъ; на другой — вел. кн. литовскій, князья тверскій, смоленскій и брянскій. Существенная часть договора слѣдующая: «А что кн. Михайло..... которая будетъ мѣста пограбилъ въ нашей отчинѣ въ Великомъ княженѣ, а то князю великому Олгерду мнѣ чистити, то князю Михаилу по исправѣ подавати назадъ по докончанью князя великаго Олгерда. А гдѣ будетъ кн. Михайло вослалъ въ нашу отчину въ Великое княженѣ намѣстники или волостели, а тыхъ ны сослати доловъ; а не поѣдутъ, и намъ ихъ имати, а то отъ насъ не въ измѣну. А отъ сего перемирья отъ Спжына заговѣнья до Дмитріева дни. А иметъ кн. Михайло что пакостити въ нашей отчинѣ, въ Великомъ княженѣ, или грабити, намъ ся съ нимъ вѣдати самимъ; а князю великому Олгерду, а брату его князю Кестутю и ихъ дѣтемъ за него ся не вступати». Далѣе, по этому договору, постановлено давать свободный пропускъ посламъ союзниковъ²⁵²).

Трусливое отступленіе Ольгерда отъ Москвы и выраженное имъ желаніе породниться съ московскимъ княземъ показали Михаилу, что надежды на Литву остается мало. Но не таковъ былъ Михайлъ, чтобы въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ смириться. Въ слѣдующемъ 1371 г. онъ обратился опять въ орду, изъ которой возвратился, въ началѣ апрѣля, въ Тверь съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ тѣмъ же посломъ Сарыхожею. Между тѣмъ Димитрій Ивановичъ по всѣмъ городамъ великаго княженія привелъ и бояръ и черныхъ людей къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы имъ «не даватись великому князю Михаилу Александровичу тверскому», а самъ съ Владимиромъ Андреевичемъ и войсками сталъ въ Переяславль. Михайлъ хотѣлъ войти во Владимиръ, но граждане не пустили его; а когда Сарыхожа позвалъ Димитрія къ ярлыку, — великій князь съ

252) Ibid. I, 231; V, 231; VIII, 17; Ник. IV, 25—28; Татиш. IV, 215—219; Narbutt, V, 180 и слѣд.; С. г. г. и д. I, № 31. Никон. говоритъ, что Ольгердъ пришелъ на Димитрія въ Филиппово говѣнье (отъ 15 ноября по 24 декабря) 26 января... Путаница очевидная. А ниже, согласно съ другими лѣтописями, говоритъ о приходѣ Ольгерда къ Москвѣ 6-го декабря.

гордостію, въ сознаніи своей силы, отвѣчалъ: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Володимерское не пушу (Михаила), а тебѣ, послу, путь чистъ». Въ то же время Димитрій съ честію звалъ посла къ себѣ. Тотъ, прельщенный дарамъ, отдалъ ярлыкъ Михаилу Александровичу и изъ Мологи отправился въ Москву, а Михаилъ отъ Мологи пошелъ на Бѣжецкій Верхъ, повоевалъ его и вернулся въ Тверь 23 мая. Притязаній своихъ на великокняжескій столъ онъ все-таки не думалъ оставить: онъ послалъ въ орду хлопотать о своемъ дѣлѣ сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа, обласканный и задаренный въ Москвѣ, пришедши въ орду, восхвалялъ Димитрія за его смиреніе и добрый нравъ. Вскорѣ послѣ Сарыхожи, а именно въ половинѣ іюня, Димитрій и самъ отправился въ орду: митрополитъ Алексій проводилъ его до Оки и благословилъ на предстоящій путь. Отправляясь въ орду, великій князь написалъ духовное завѣщаніе, конечно, на всякій случай, для предосторожности. Наслѣдникомъ всего родового, благопріобрѣтеннаго имѣнія, движимаго и недвижимаго, онъ дѣляетъ старшаго изъ наличныхъ дѣтей, Василия; но о Великомъ княженіи не говоритъ ни слова — еще такъ не окрѣпла въ немъ увѣренность, что оно останется за его сыномъ! Впрочемъ, изъ Великаго Княженія онъ отказываетъ сыну села, купленныя его отцемъ. Къ тому же времени, кажется, надобно отнести второй договоръ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ относительно городовъ Галича и Дмитрова, удѣла кн. Ульяны и пр. Но объ этомъ договорѣ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи. — Въ Москву, между тѣмъ, прибыли литовскіе послы для заключенія мира (о чемъ мы говорили уже выше) и обрученія Ольгердовой дочери Елены съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Михаилъ Александровичъ, недовольный оборотомъ дѣла, опять пошелъ на Волгу, повоевалъ Кострому, Угличъ, Мологу и Бѣжецкъ, и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Этими набѣгами Михаилъ оскорбилъ и новгородцевъ, такъ какъ мечъ его коснулся и ихъ земли, а потому Новгородъ еще тѣснѣе примкнулъ къ вел. кн. московскому, съ которымъ заключилъ договоръ: по договорной грамотѣ Новгородъ обязывается помогать в. кн. московскому противъ Твери и Литвы, а московскій князь Новгороду — противъ Твери же и Литвы и еще противъ кѣмцевъ. — Мы сказали, что Димитрій Ивановичъ отправился въ орду... Здѣсь онъ «учти добръ» князя Мамай, хана, ханшу и пр. Это послѣднее обстоятельство всѣхъ расположило къ московскому князю, и онъ отпущенъ былъ изъ орды «со многую честію и съ пожалованіемъ»; кромѣ того, ему выдали сына Михайлова, Ивана, котораго Димитрій Ивановичъ привезъ въ Москву и держалъ на митрополичьемъ дворѣ, пока его не выкупили за ту сумму, какую будто бы далъ за него въ ордѣ самъ Димитрій, а именно 10,000 руб-

лей²⁵³). Такимъ образомъ, по выраженію лѣтописи, Димитрій Ивановичъ «супостаты свои побѣдивъ посрамъ». Но еще не совсѣмъ посрамлены были супостаты: въ Бѣжецкомъ Верху и другихъ городахъ сидѣли намѣстники главнаго супостата, князя тверскаго. По прибытіи пзъ орды, Димитрій Ивановичъ послалъ рать на Бѣжецкій Верхъ, гдѣ намѣстникъ Микхапла, Никпфоръ Лычъ, былъ убитъ москвичами; потомъ начался грабежъ по тверскимъ волостямъ. Можетъ быть, война съ Тверью и затянулась бы, но Димитрій отвлекся въ другую сторону²⁵⁴). Мы видѣли, что при второмъ нашествіи Ольгерда на Москву, рязанская рать приходила на помощь къ Владиміру Андреевичу. Неизвѣстно, что произошло послѣ того между московскимъ и рязанскимъ князьями; но 14 декабря 1371 г. Димитрій Ивановичъ послалъ, подѣ начальствомъ воеводы, кн. Димитрія Михайловича Волинскаго, рать на Олега рязанскаго. При Скорнищевѣ произошелъ бой, въ которомъ хвастливые рязанцы были побиты на голову, и самъ Олегъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. На рязанскомъ столѣ посаженъ былъ Владиміръ, кн. пронскій, котораго, впрочемъ, вскорѣ Олегъ привелъ въ свою волю²⁵⁵).

253) Ibid. I, 231—232; IV, 66; V, 231; VIII, 18; XV, 430—431; Ник. IV, 28—31. — Договорная грамота Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича съ новгородцами — въ Актахъ А. Э. № 8, гдѣ она отнесена къ началу 1372 года. Карамзинъ (V, 15, 17) относитъ эту грамоту къ 1371 или 1372, Бѣляевъ (II, 451) — къ 1371, Соловьевъ — къ 1367 г. на томъ основаніи, что въ этомъ году, по лѣтописямъ (III, 88), новгородцы посылали въ Москву пословъ. Но Соловьевъ забываетъ, что это посольство было отправлено по поводу ушкунничьихъ разбоевъ. Бѣляевъ, кажется, основательнѣе дѣлаетъ, относя эту грамоту къ 1371 году, когда новгородцы оскорблены были нападеніемъ тверскаго князя на ихъ волость и, естественно, должны были тѣсно примкнуть къ Москвѣ. — Передъ отъѣздомъ въ орду Димитрій Ивановичъ написалъ духовное завѣщаніе (С. г. г. и д. I, № 30) — такъ не прочна была милость ханская. — Деньги, уплаченные въ орду Димитріемъ за Ивана, вѣроятно, задолжалъ Михаилъ Александровичъ, добиваясь въ орду великокняжескаго стола. — Къ тому же 1371 г. относится договоръ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (С. г. г. и д. I, № 29). Самое выдающееся въ этой грамотѣ — условіе относительно городовъ Галича и Дмитрова. Такъ какъ грамота отъ ветхости во многихъ мѣстахъ истлѣла, то выясненіе и толкованіе содержанія ея можетъ быть спорнымъ. Думаютъ, что Димитрій Ивановичъ этимъ договоромъ хотѣлъ укрѣпить за собой Дмитровъ и Галичъ. Намъ кажется, напротивъ, что Димитрій Ивановичъ отдавалъ эти города Владиміру Андреевичу. Но объ этомъ мы будемъ еще говорить въ отдѣлѣ о князьяхъ галицкихъ, во II-мъ томѣ.

254) Никон. IV, 31.

255) П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 231; VII, 243; VIII, 18—19; Ник. IV, 31—32. Татищевъ (IV, 223) говоритъ, что причиной войны была Лопасня: Олегъ, будто бы, просилъ у Димитрія Лопасню въ вознагражденіе за то, что его рать ходила на помощь Москвѣ при второмъ нашествіи Ольгерда; а Димитрій, будто бы, отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что рязанцы постояли только на рубежѣ, а не боронили Москвы. Хотя это и похоже на дѣло, но надобно замѣтить, что и Владиміръ Андреевичъ не шелъ къ Москвѣ на Ольгерда. См. соотвѣтственное мѣсто подѣ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ, во II-мъ томѣ.

Между тѣмъ какъ Москва расправлялась съ Рязанью, Михаилъ началъ дѣйствовать по отношенію къ Москвѣ вызывающимъ образомъ: онъ заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ и перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ 1372 г. Димитрій Еремѣевичъ съ воеводами Михаила ходилъ къ Клстмѣ, захватилъ тамошнихъ воеводъ и привелъ ихъ въ Тверь. Но не всѣ тверскіе князья были на сторонѣ Михаила: кашинскій князь, Михаилъ Васильевичъ, какъ и его предшественники, былъ не въ ладахъ съ вел. кн. тверскимъ: онъ сложилъ, въ это время, крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и заключилъ союзъ съ Димитріемъ Ивановичемъ. Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ самъ въ 1373 г. (на Ооминой недѣлѣ) пошелъ къ Дмитрову, съ котораго взялъ окупъ; посады, волости и села пожегъ; захватилъ многихъ бояръ и простыхъ людей въ плѣнъ; наконецъ, онъ тайно подвелъ къ Переяславлю литовскую рать, съ которой были: Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, Андрей Ольгердовичъ полоцкій и Димитрій друцкій. Съ литовской же ратью онъ пошелъ наказать и Кашинъ: Переяславль и Кашинъ постигла участь Дмитрова. Приведши кашинскаго князя въ свою волю, Михаилъ 31 мая взялъ Торжокъ, въ которомъ посадилъ своихъ намѣстниковъ, чѣмъ сильно раздражилъ новгородцевъ²⁵⁶).

Наконецъ и Ольгердъ рѣшился выступить противъ Москвы. Михаилъ пошелъ на соединеніе съ нимъ. Но теперь московскаго князя уже нельзя было застать въ-расплахъ: онъ самъ выступилъ противъ соединенныхъ князей съ многочисленной ратью и, встрѣтившись съ ними, около половины іюля, при Любутскѣ, разбилъ на голову сторожевой полкъ и привелъ въ смятеніе самого Ольгерда, который бѣжалъ за крутой оврагъ, такъ что московскому князю уже не удобно было продолжать наступленіе. Враги простояли другъ противъ друга нѣсколько дней и, наконецъ, примирились или, лучше сказать, заключили перемиріе отъ конца іюля почти до конца октября, и разошлись. Въ перемирной грамотѣ замѣчательно, между прочимъ, то, что договорныя статьи, которыя долженъ, по требованію московскаго князя, выполнять Михаилъ, принимаются для послѣдняго Ольгердомъ. Въ договорѣ съ одной стороны участвуютъ: Михаилъ тверскій, Димитрій брянскій и тѣ князья, которые будутъ «въ имени его», т. е. Ольгерда, а также и Святославъ смоленскій; на сторонѣ московскаго князя значатся рязанскіе князья: Олегъ, Романъ и Владиміръ. Михаилъ, по этому договору, долженъ возвратить все; что онъ нагребилъ въ Великомъ Кня-

256) Ibid. I, 231—232; IV, 67; VIII, 19; XV, 430—433; Ник. IV, 33. О дѣлахъ новгородско-тверскихъ см. подъ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ, во II-мъ томѣ.

женіи Московскомъ на первомъ, второмъ и третьемъ перемиріи; намѣстниковъ или волостелей, оставленныхъ имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Московскаго Княженія — вывести; если во время перемирія Михаилъ будетъ грабить въ Великомъ Княженіи Московскомъ, то Димитрій Ивановичъ самъ будетъ съ нимъ вѣдаться, а Ольгердъ не вступается. Что касается людей, которые пошли въ орду жаловаться на Михаила, то будетъ такъ, какъ угодно Богу и царю, т. е. хану²⁵⁷). Но миръ между московскимъ и тверскимъ княземъ еще не былъ закрѣпленъ нѣкоторое время. Этому препятствовало, можетъ быть, то обстоятельство, что Димитрій Ивановичъ долженъ былъ все лѣто **1373** года простоять на Окѣ, чтобы не допускать въ свою отчину Мамаевыхъ татаръ, пустошившихъ тогда Рязань. Наконецъ, въ исходѣ 1373 года тверскій князь заключилъ миръ съ великимъ княземъ московскимъ: послѣдній отпустилъ изъ Москвы Ивана Михайловича (конечно, за сумму, какую заплатилъ за него Димитрій въ ордѣ. См. выше), а Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей Великаго Княжества Владиміро-Московского²⁵⁸).

Съ **1374** года обстоятельства для великаго князя московскаго начинаютъ складываться какъ будто неблагопріятно: въ лѣтописи замѣчено, что у князя Димитрія было размирье съ Мамаемъ, который почему-то гнѣвался на вел. кн. московскаго. Можетъ быть, причиной гнѣва Мамаева было избіеніе, въ Нижнемъ-Новгородѣ, отряда татаръ, во главѣ которыхъ стоялъ посолъ Сарайко, убитый сыномъ Константина нижегородскаго, Васильемъ Кирдяпой. Но татары не остались въ долгу у Нижняго-Новгорода: въ **1375 г.** они опустошили берега Киши и Пьяны, — впрочемъ, только этимъ и ограничились: энергичнѣ Мамай не могъ дѣйствовать потому, вѣроятно, что въ ордѣ тогда былъ сильный моръ²⁵⁹).

257) Ibid. I, 232 (подъ 1373 г.); IV, 69; V, 233; VIII, 20 (подъ 1373 г.); XV, 433; Ник. IV, 36; С. г. г. и д. I, № 31. — Любутскъ — нынѣ село Калужскаго уѣзда (см. «Географ. стат. слов. Росс. Имперіи», III, 123). Столкновение подъ Любутскомъ лѣтописи относятъ къ 1372 году. Но если, по тѣмъ же лѣтописямъ, взять въ расчетъ мѣсяцы, упоминаемые подъ 6879, 6880 и 6881 годами, то выйдетъ не 1372, а 1373 годъ. — Перемиріе заключено отъ «Спожина заговѣнья» (Госпожина, т. е. Пр. Богородицы), т. е. отъ кануна Успенскаго поста (31 іюля) до Дмитріева дня (Димитрій Селунскій — 26 октября), а потому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, какъ, напр., въ Новгор. четвертой, ошибочно выставляется здѣсь мѣсяць іюнь. — Упоминаемый въ договорѣ кн. Романъ, по справедливому замѣчанію Д. И. Пловцайскаго («Ист. Ряз. княж.», прим. 160), не есть рязанскій, какъ онъ названъ въ договорѣ, а новосильскій. Думаемъ, что онъ названъ рязанскимъ потому, что если не совсѣмъ, то до нѣкоторой степени былъ подручнымъ Олегу. Но почему и онъ названъ великимъ, объяснить трудно.

258) Ibid.

259) Ibid. VIII, 22; Ник. IV, 40—41; Татищ. IV, 231. Въ Никон. лѣт., вѣроятно, по ошибкѣ переписчика, вмѣсто *Киши* поставлено *Кашинъ*, откуда Н. И. Костомаровъ, въ своей

Между тѣмъ въ Твери опять начинается раздоръ между Василиемъ Михайловичемъ кашинскимъ и вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ: Василий Михайловичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ князю тверскому и ушелъ въ Москву, а отсюда — въ орду. Въ то же время, т. е. въ томъ же 1374 году, въ Москвѣ умеръ тысяцкій Василий Васильевичъ Вельяминовъ. Сынъ его Иванъ, кажется, рассчитывалъ занять мѣсто отца, — но великій князь не хотѣлъ никого назначать на мѣсто умершаго, т. е. не хотѣлъ, какъ видно, самаго существованія этого чина въ Москвѣ. Тогда Иванъ Вельяминовъ и какой-то Некоматъ сурожанинъ (купецъ, торгующій южными товарами), вѣроятно, также чѣмъ-нибудь недовольные, бѣжали въ Тверь и настроили Михаила противъ великаго князя московскаго. Бѣглецы вскорѣ отправились въ орду хлопотать за Михаила, а самъ Михаилъ пошелъ въ Литву, гдѣ ему обѣщали помощь. Это было въ самомъ концѣ зимы, а въ іюлѣ слѣдующаго уже 1375 года Некоматъ, въ сопровожденіи посла Ачпхожи, явился къ Михаилу съ ярлыкомъ на великокняжескій столъ. Въ тотъ же день Михаилъ послалъ въ Москву — сложить крестное цѣлованіе къ Димитрію Ивановичу, и отправилъ въ Торжокъ своихъ намѣстниковъ, а въ Угличъ — рать²⁶⁰).

Димитрій Ивановичъ, выступая въ походъ противъ Твери, повсюду разослалъ грамоты, которыми созывалъ князей подъ свои стяги въ Волок-Ламскій; сюда явились съ своими дружинами: тестъ его Димитрій Константиновичъ и сынъ послѣдняго Семень, Владиміръ Андреевичъ серпуховскій, Борисъ Константиновичъ городецкій, Андрей Ѳеодоровичъ ростовскій, Василий и братъ его Александръ Константиновичи ростовскіе, Иванъ Васильевичъ смоленскій, Василий Васильевичъ и Романъ Васильевичъ ярославскіе, Ѳеодоръ Романовичъ бѣлозерскій, Василий Михайловичъ кашинскій, Андрей Ѳеодоровичъ стародубскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Романъ Семеновичъ новосильскій, Семень Константиновичъ оболенскій, братъ его Иванъ тарусскій и др.; пристали и новоторжцы. 29 іюля соединенные князья вы-

статьѣ «Церковно-историческая критика» («Вѣсти. Европы», 1870 г. № 4), дѣлаетъ серьезныя заключенія: онъ говоритъ, что тверской князь послалъ въ орду московскихъ перебѣжчиковъ (Вельяминова и Некомата) подвѣять татаръ на враждебный ему Кашинъ. Но татары опустошали берега Кашы (а не Кашинъ), впадающей въ р. Суру, прежде отхода въ орду московскихъ бѣглецовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить мѣста разныхъ лѣтописей, относящихся къ одному и тому же предмету.

260) Ibid. IV, 69—70; V, 233; VIII, 22; XV, 434; Ник. IV, 40—42. Что такое *сурожанинъ*, до нѣкоторой степени объясняетъ одно мѣсто Никон. лѣтописи (IV, 101): «Поля же тогда князь великій (Димитрій Ивановичъ, когда шелъ на Мамая) съ собою десеть мужей сурожанъ гостей видѣния ради, аще что Богъ случить, имуть повѣдати в дальнихъ земляхъ, яко сходницы суть с земли на землю, и знаеми всеми і во ордахъ и въ Фрязахъ» и пр.

ступили изъ Волока и по пути къ Твери все предавали опустошенію; 1 августа они взяли Микулинъ, а 5-го были уже подъ Тверью. Отсюда Димитрій Ивановичъ послалъ за новгородцами, которые вооружились въ три дня, «своего князя честь изводяще, паче же свою отмщающе обиду, бывшую у Торжъку» (въ 1372 г.); они, по замѣчанію лѣтописца, «скрежетаху зубы на Тверичъ». Августа 8 князья сдѣлали приступъ къ Твери, который былъ отбитъ. Мѣсяцъ простояли князья подъ городомъ и въ это время «учиниша всѣ волости тверскія пусты»; города: Зубцовъ, Бѣлгородъ, Градокъ и многіе другіе были взяты; множество людей побито, а скотъ и имущество ихъ побѣдители забирали съ собой. Напрасно Михаилъ ожидалъ помощи изъ орды и Литвы. Впрочемъ, литовская рать подходила къ мѣсту военныхъ дѣйствій, но, узнавши, что около Твери находится самъ Димитрій Ивановичъ съ громадными силами, бѣжала назадъ. Михаилъ, «видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возста на него», долженъ былъ покориться в. кн. московскому: онъ высылалъ къ послѣднему владыку Евѣимію и старѣйшихъ бояръ «съ челобитьемъ прося мира и во всю волю даяся». Димитрій Ивановичъ принялъ предложеніе, и тверскій князь заключилъ мирныя договоры какъ съ в. кн. московскимъ, такъ и съ Новгородомъ. 3 сентября московское войско отступило отъ Твери. Въ силу упомятаго договора, *великій* князь тверскій считается младшимъ братомъ Димитрія наравнѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ; когда московскій князь или братъ его, Владиміръ Андреевичъ, выступитъ въ походъ, и тверскій князь садится на коня, — а если посланы будутъ воеводы, то и тверскій князь посылаетъ воеводу. Кромѣ того, Михаилъ обязался за себя, за дѣтей своихъ и племянниковъ не искать ни Москвы, ни Великаго Княженія, ни Новгорода; не принимать Великаго Княженія, если бы даже сами татары стали его предлагать ему. Но и Димитрій, съ своей стороны, обязывается не принимать отъ татаръ Твери. Далѣе, Михаилъ обязался не вступаться въ Кашинъ, который, такимъ образомъ, становился самостоятельнымъ, что не могло не ослаблять тверскаго князя; выходомъ Кашинъ не тянетъ къ Твери; забранныхъ кашинскихъ бояръ или слугъ и людей Михаилъ обязывается отпустить; если Михаилъ будетъ обижать Кашинъ, то московскій князь будетъ бороться его. Относительно татаръ постановлено: «съ татары оже будетъ намъ миръ — по думѣ, а будетъ намъ дати миръ — по думѣ же; а пойдутъ на насъ татарове или на тебе, битися намъ и тебе съ одного всѣмъ противу ихъ»; равнымъ образомъ если одинъ изъ договаривающихся пойдетъ противъ татаръ, другой долженъ помогать ему. Михаилъ обязался отказаться и отъ союза съ Ольгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, даже воевать съ нимъ въ случаѣ нападенія Литвы

на кн. московскаго или смоленскаго. Далѣе выставлены слѣдующія обязательства съ обѣихъ сторонъ: забранные Михаиломъ люди великаго князя московскаго должны быть, по прежнему цѣлованью, отпущены, а порука съ поручителей за нихъ должна быть снята; все пограбленное у бояръ, людей и слугъ великаго князя, на цѣлованьи ли или на размирьи, какъ и самыхъ владѣльцевъ пограбленнаго, если они взяты Михаиломъ, послѣдній долженъ отдать «по Семени дни за недѣлю» (Симеонъ столпникъ — 1-го сентября); всему, что Михаилъ взялъ «войной» у великаго князя въ продолженіе мѣсяца со времени прихода московскихъ войскъ къ Твери (5-го августа), «тому всему... погребъ», какъ «погребъ», т. е. забвеніе, и всему тому, что московскій князь взялъ или отвоевалъ у тверскаго со времени сложения Михаиломъ цѣлованія къ Дмитрію; между Новгородомъ и Тверью устанавливаются тѣ же границы, какія были при Иванѣ Калитѣ и его сыновьяхъ; въ помянутыхъ городахъ, а также и новгородскихъ пригородахъ, Михаилъ обязуется не держать закладней и не давать грамотъ; земли и воды тѣхъ новгородскихъ бояръ и слугъ, которые будутъ служить Михаилу, вѣдаетъ Новгородъ; все взятое въ Торжкѣ, какъ-то: колокола, книги и другое церковное имущество, а также все пограбленное тверичами по волостямъ, Михаилъ долженъ возвратить; кто изъ новоторжцевъ, по взятіи Михаиломъ Торжка, проданъ ему въ дерноватые холопы, тѣхъ тверскій князь долженъ отпустить, а грамоты дерноватыя уничтожить, причемъ новгородцы и новоторжцы, приведенные имъ къ цѣлованію, складываютъ это послѣднее; гостямъ и торговцамъ Новгорода, Торжка и пригородовъ тверскій князь долженъ «дати путь чистъ безъ рубежа» чрезъ Тверь и тверскія волости и не назначать новыхъ мытовъ и пошлинъ. Наконецъ, по этому договору бояре и слуги вольные могутъ свободно отъѣзжать отъ одного князя къ другому, удерживая за собою села въ покинутыхъ ими волостяхъ. Это послѣднее право не распространяется только на Ивана Васильевича Вельяминова, сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, и Некомата, села которыхъ московскій князь оставилъ за собой. Относительно тверичей, служащихъ въ Московской землѣ, и москвичей — въ Тверской землѣ, положено брать на нихъ дань, какъ и на своихъ, — но съ полныхъ холоповъ дани не брать. Замѣчательно, что по спорнымъ дѣламъ между обоими князьями, въ случаѣ, если бояре того и другаго, съѣхавшись на рубежъ, не придутъ къ мирному рѣшенію спорнаго дѣла, послѣднее отдается «на третій на князя на великаго на Олга», т. е. на третейскій судъ великаго князя рязанскаго²⁶¹).

261) Ibid. I, 232; III, 90, 231 (подъ 1376 годомъ); IV, 70—71; V, 233—235; VIII, 22—23; XV, 434—435; Ник. IV, 43; Татищ. IV, 234; С. г. г. и д. I, №№ 16, 17 и 28. Издатели отно-

Нѣкоторые изъ князей, помогавшихъ въ тверской войнѣ Димитрію Ивановичу, подверглись нападенію прежнихъ союзниковъ Михаила: такъ, въ томъ же году Ольгердъ опустошилъ Смоленскую волость, а татары попустили волости Нижегородскую и Новосильскую; и Ольгердъ и татары говорили князьямъ этихъ волостей, зачѣмъ они ходили ратью на тверскаго князя²⁶²? Московскій князь, въ свою очередь, посылалъ въ 1376 г. Владиміра Андреевича къ Ржеву, подъ которымъ тотъ простоялъ три дня, города не взялъ и только сжегъ посадъ²⁶³). Въ лѣтописи есть указаніе и на то, что Димитрій ожидалъ, въ томъ же 1376 г., нападенія со стороны татаръ, почему, «стерегаяся рати татарскія отъ Мамаю», ходилъ за Оку²⁶⁴). Въ то же время, — не видно только изъ лѣтописей, почему, — Димитрій Ивановичъ послалъ на болгаръ рать подъ начальствомъ кн. Димитрія Михайловича Волынскаго, а тестъ его, Димитрій Константиновичъ, послалъ съ своей ратью двухъ сыновей, Василія и Ивана, и бояръ. Русскія рати пришли къ г. Болгарамъ 16 марта (слѣд. уже въ 1377 году). Восточныя военныя хитрости — пусканіе стрѣлъ не по людямъ, а по конямъ, произведеніе со стѣнъ какого-то грома, выставка противъ конницы верблюдовъ для приведенія коней въ смятеніе — не помогли: послѣ боя болгары, преслѣдуемые русскими, бѣжали въ городъ. Болгарскіе князья, наконецъ, добились челомъ великому князю и тестю его двумя тысячами рублей, а ихъ ратямъ — тремя тысячами; кромѣ того русскіе посадили въ Болгарахъ дорогу и таможенниковъ великаго князя²⁶⁵).

Въ томъ же 1377 году въ Москвѣ было получено извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода отъ Димитрія Константиновича, что за Волгу перебѣжалъ изъ Синей Орды царевичъ Арапша съ намѣреніемъ напасть на Нижній-Новгородъ. Димитрій Ивановичъ пришелъ на помощь къ своему тестю съ ратями: владимірской, переяславской, юрьевской, муромской и ярославской;

сятъ грамату № 28 къ 1368 г. не вѣрно: заключающіяся въ ней указанія на такіе факты, какъ приходъ Димитрія Ивановича къ Твери, и на такія лица, какъ Иванъ Вельяминовъ и Некоматъ, точнѣе опредѣляютъ время, когда и вслѣдствіе чего состоялся этотъ договоръ.

262) Ник. IV, 45—46; Татищ. IV, 237.

263) П. С. Р. Л. I, 232; Ник. IV, 47; Татищ. IV, 238.

264) Ник. IV, 46; Татищ. IV, 237.

265) П. С. Р. Л. VIII, 24—25; Ник. IV, 47—48: «на Болгары, рекше на Казань»; Ник. говоритъ также, что казанскіе князья дали Димитрію Ивановичу 1000 рублей, Димитрію Константиновичу — тоже 1000, а ратямъ — 3000 рублей, и что русскіе князья посадили въ Болгарахъ *дорогу* и *таможенниковъ* — сборщиковъ податей. О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, какъ *дорога*, *таможники* и пр., см. статью И. Д. Бѣляева въ первой книгѣ «Архива историко-юридич. свѣдѣній», изд. Н. Калачевымъ, и Березина объ устройствѣ Улуса Джучіева въ «Трудахъ вост. отд. Археол. Общ.», кн. VIII; ст. Березина была напечатана и въ «Ж. М. Н. Пр.»

но такъ какъ вѣстей объ Арапшѣ болѣе никакихъ не приходило, то онъ, оставивъ рати въ Нижнемъ-Новгородѣ, самъ вернулся въ Москву. Тѣмъ не менѣе соединенныя рати двинулись за р. Пьяну и здѣсь получили извѣстiе, что Арапша далеко, на Волчьихъ водахъ около Донца, а потому вели себя весьма неосторожно: поскидали (былъ конецъ iюля и погода стояла жаркая) доспѣхи и ходили въ простомъ платьѣ; оружіе — сулицы, рога-тины, копыя — было въ безпорядкѣ; кромѣ того, при случаѣ, напивались допьяна и хвастались тѣмъ, что каждый изъ нихъ одинъ можетъ стоять противъ сотни татаръ. Не лучше простыхъ ратниковъ вели себя и бояре и воеводы. Между тѣмъ мордовскіе князья тайно подвели Арапшу, который 2 августа со всѣхъ сторонъ ударилъ на русскихъ: произошелъ страшный переполохъ между послѣдними; они въ ужасѣ побѣжали къ р. Пьянѣ; множество было изрублено татарами, многіе потонули въ рѣкѣ и, между прочимъ, кн. Иванъ Дмитріевичъ нижегородскій со множествомъ бояръ и слугъ. Послѣ того Нижній-Новгородъ былъ сожженъ. Теперь и Мордва подняла голову: по уходѣ Арапши она начала пустошить нижегородскія окрестности (въ началѣ августа). Борисъ Константиновичъ нагналъ этихъ хищниковъ и частію истребилъ оружіемъ, частію потопилъ въ рѣкѣ. Независимо отъ этого, князья московскій и нижегородскій, бѣжавшій изъ Нижняго въ Суздаль, послали въ Мордовскую землю сильное войско, которое «сотворило ее пустою»; плѣнныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ казнили и травили на льду Волги собаками ²⁶⁶).

Въ Литвѣ, между тѣмъ, происходили смуты: въ 1377 году умеръ Ольгердъ, и великокняжескій столъ занялъ сынъ его, Ягайло, помимо старшаго брата, Андрея полоцкаго (отъ перваго брака). Послѣдній хотѣлъ поддержать права свои вооруженной рукой, но, не нашедши себѣ нигдѣ помощи, лишился своей волости, бѣжалъ, въ 1378 г., въ Псковъ, а оттуда — въ Москву къ Димитрію Ивановичу, который принялъ его «съ любовью» ²⁶⁷).

Обезпеченный съ запада, со стороны Литвы, гдѣ спорили за Вильну дядя и племянникъ — Кейстутъ и Ягайло — и приводили въ свою землю нѣмцевъ, Димитрій Ивановичъ долженъ былъ обратить вниманіе на востокъ, откуда начинаютъ угрожать татары. Въ 1378 г. они подступили къ Нижнему-Новгороду и, не взявши съ тамошняго князя окупа, который этотъ послѣдній предлагалъ имъ, сожгли городъ. Отсюда Мамай послалъ на мо-

266) П. С. Р. Л. III, 91; IV, 71; V, 236; VIII, 25—26; Ник. IV, 47—48, 51—55. Въ Новгор. четвертой, какъ и въ первой, дѣло на р. Пьянѣ отмѣчено подъ 1378 годомъ. — Въ томъ же 1377 году митр. Алексій, передъ своей кончиной, призывалъ къ себѣ Димитрія Ивановича и «далъ ему миръ и благословеніе».

267) Ibid. III, 91; V, 237; VIII, 33; Ник. IV, 82.

сковскаго князя войско подъ начальствомъ ордынскаго мурзы Бегича; Димитрій вышелъ за Оку, въ Рязанскую землю, и здѣсь, на берегахъ р. Вожи, встрѣтился съ татарами. 11 августа татары, переправившись черезъ рѣку, бросились на русскіе полки, но увидѣвъ, что они стоятъ крѣпко, Бегичъ приказалъ татарамъ ѣхать тише и пускать въ непріятеля стрѣлы. Русскіе, съ одной стороны — кн. Даниилъ пронскій, съ другой — окольничій великаго князя Тимофей, а самъ великій князь — съ фронта, дружно ударили на татаръ и погнали ихъ къ рѣкѣ: многіе изъ послѣднихъ были изрублены, а многіе потонули въ рѣкѣ; въ числѣ убитыхъ много было знатныхъ мурзъ. Ночь не позволила преслѣдовать оторопѣвшихъ татаръ; на слѣдующій день утромъ также мѣшалъ преслѣдовать ихъ густой туманъ, и только около полудня великій князь пустился въ погоню. Татаръ русскіе не могли нагнать, но въ полѣ нашли брошенными ихъ вежи, шатры, телѣги и т. п. и множество разнаго товару. Эта битва важна тѣмъ, что она была первой удачной для русскихъ битвой съ татарами. Местъ Мамаея за Вожскую битву ограничилась пока только набѣгомъ татаръ въ 1379 году на Рязанскую землю, но за Оку они не переступали²⁶⁸).

Мы уже упоминали, что по смерти Ольгерда (1377 г.) въ Литвѣ начались смуты. Димитрій Ивановичъ воспользовался ими и въ 1379 г. послалъ кн. Владиміра Андреевича, Андрея Ольгердовича и Димитрія Михайловича Вольнскаго воевать Литовскую землю: князья взяли Трубчевскъ и Стародубъ; трубчевскій князь Димитрій Ольгердовичъ, братъ Андрея, добровольно пошелъ съ женой, дѣтьми и боярами въ Москву, урядился съ великимъ княземъ и крѣпость взялъ, т. е. присягнулъ на службу великому князю московскому, который принялъ его съ честію и далъ ему Переяславль со всѣми пошлинами²⁶⁹).

268) Ibid. I, 232; VIII, 32—33; XV, 439; по III, 91, — IV, 74—75, и по V, 237—въ 1379 году. Ник. IV, 80—81 говоритъ, что на одномъ крылѣ стоялъ Даниилъ пронскій, а на другомъ — Андрей Ольгердовичъ полоцкій. . Очень можетъ быть, что Андрей полоцкій вообще участвовалъ въ этой битвѣ. Далѣе, та же лѣтопись передаетъ, что тогда же поймали пришедшаго изъ орды попа тысяцкаго Ивана Васильевича съ мѣшкомъ зелья; допрашивали, пытали этого попа и, наконецъ, сослали его на озеро Лаче, гдѣ былъ — поясняетъ лѣтопись — Даниилъ Заточникъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Серпуховѣ пойманъ былъ, пришедшій также изъ орды, самъ Иванъ Васильевичъ, который сложилъ голову, при большомъ стеченіи народа, на Кучковомъ полѣ — первая публичная казнь на Руси. Что касается Некомата, то онъ казненъ въ 1383 году. См. Ник. IV, 144 (названъ Коматомъ, княземъ литовск.); Воскр. (т. VIII) 49. — Небольшая рѣчка Вожа, принимающая въ себя еще меньшую рѣчку Мечу, течетъ въ Рязанскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Оку въ 20 верстахъ выше Рязани.

269) Ibid. IV, 75; V, 233; VIII, 34; Ник. IV, 84. Кажется, въ это самое время вышла размолвка между Димитріемъ Ивановичемъ и Новгородомъ, но не извѣстно, по какой причинѣ. Въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ 1380 году весь Новгородъ билъ челомъ владыкѣ своему Алексію, чтобы онъ поѣхалъ посломъ къ великому князю; владыка съ посадни-

Наступилъ достопамятный въ исторіи Руси **1380** годъ. Мамай, конечно, не могъ простить Димитрію пораженія татаръ на берегахъ Вожи тѣмъ болѣе, что онъ теперь уже самъ былъ полновластнымъ ханомъ: онъ готовился къ походу на Московскую землю. Есть извѣстіе, что по совѣту приближенныхъ Мамай нанималъ для этого похода генуезцевъ, черкесовъ и ясовъ. Съ своими полчищами онъ перешелъ на правую сторону Волги, къ устью р. Воронежа. Съ ханомъ вступилъ въ союзъ и литовскій князь Ягайло, землю котораго недавно пустошили московскія рати. Димитрій Ивановичъ узналъ о враждебныхъ замыслахъ Мамае въ августѣ и сталъ готовиться къ встрѣчѣ непріятеля: послалъ за подручными князьями — ростовскимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ; но о новгородцахъ, нижегородцахъ и смолянцахъ мы не находимъ извѣстій, чтобы они принимали участіе въ походѣ Димитрія; участіе въ походѣ Ивана Всеволодовича холмскаго (изъ тверскихъ) — сомнительно; что же касается Олега рязанскаго, то онъ находился, такъ сказать, между двухъ огней: ему приходилось, для охраненія своей земли отъ опустошенія, при неизвѣстности, на которой сторонѣ будетъ верхъ, хитрить, — и вотъ, онъ входитъ въ тайныя сношенія съ Мамаемъ и его союзникомъ, Ягайломъ. Олегъ и Ягайло — есть извѣстія — думали подѣлить между собою Московскую землю, когда Димитрій бѣжитъ изъ нея отъ соединенныхъ татарско-литовскихъ и рязанскихъ силъ въ Новгородъ или на Двину. Но въ то же время рязанскій князь старается показаться передъ Димитріемъ доброжелателемъ его: онъ извѣщаетъ московскаго князя о приготовленіяхъ противъ него Мамае. — Подкрѣпивши себя молитвой въ Успенскомъ соборѣ, Димитрій послалъ къ Владиміру Андреевичу, ростовскимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ князьямъ и воеводамъ сказать, чтобы они шли съ полками своими на соединеніе съ нимъ. Сборнымъ пунктомъ назначена Коломна на 15 августа. Побывавши въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ св. Сергій благословилъ его на брань съ невѣрными, предрекая побѣду, и отпустилъ съ нимъ двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, Димитрій отправился въ Коломну, оставивъ въ Москвѣ, при своемъ семействѣ, воеводу Федора Андреевича. Въ Коломнѣ собрались полки: коломенскій, владимірскій, костромской и переяславскій; тутъ же были и братья Ольгердовичи, Андрей и Димитрій. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что около Димитрія Ивановича собралось тысячъ полтораста или двѣсти войска, что такой силы никогда не бывало на Руси. Мамай, можетъ быть, потому, что видѣлъ дѣятельныя приготовленія

камъ и боярами отправился въ Москву, гдѣ съ любовію принятъ былъ великимъ княземъ, который цѣловалъ къ Новгороду крестъ на всей новгородской старинѣ и на старыхъ грамотахъ. П. С. Р. Л. III, 91; IV, 75; V, 238.

Димитрія къ войнѣ, попытался сначала войти въ сношенія съ послѣднимъ: онъ прислалъ пословъ къ московскому князю въ Коломну просить такого выхода, какой великіе князья платили при Узбекѣ; но Димитрій предлагалъ выходъ «по своему докончанью», т. е. по прежнему его условію съ Мамаемъ, на что послѣдній, «высоко мысляше», не согласился. Здѣсь же, на Коломнѣ, Димитрій Ивановичъ узналъ и объ измѣнѣ Олега рязанскаго. — Получивъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, Димитрій Ивановичъ 20 августа выступилъ изъ города; онъ остановился на берегу Оки, при устьѣ Лопастны; здѣсь присоединился къ нему Владиміръ Андреевичъ съ войскомъ, остававшимся въ Москвѣ, а также московскій воевода Тимошей Васильевичъ Вельямновъ съ остальными полками. Въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1-го сентября), Димитрій приказалъ полкамъ переправляться на другую сторону Оки, причемъ было внушено воинамъ, чтобы, идучи по Рязанской землѣ, они никого и ничего не трогали, ни у кого ничего не брали. На слѣдующій день за Оку переправился и самъ великій князь. 6-го сентября русскіе полки пришли къ Дону, гдѣ получена была отъ св. Сергія грамота, ободрявшая и благословлявшая великаго князя на бой съ татарами. Послѣ совѣщаній о томъ, переправляться или нѣтъ за Донъ, Димитрій приказалъ строить мосты чрезъ рѣку и искать бродовъ, а въ самый день Рождества Богородицы, съ восходомъ солнца, началъ переправлять черезъ Донъ полки, которые строились при устьѣ рѣки Непрядвы. Сентября 8 около полудня начали показываться татары. Вскорѣ потомъ началось такое побоище, какого, по замѣчанію летописца, еще никогда не бывало на Руси. Полки, бывшіе въ засадѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, рѣшили битву: Мамай бѣжалъ, русскіе преслѣдовали татаръ до р. Мечи и забрали весь станъ ихъ. Ягайло, находившійся у г. Одоева только въ днѣ пути отъ мѣста битвы, также бѣжалъ, узнавъ о пораженіи Мамай. Возвратившись изъ погони, Владиміръ Андреевичъ «сталъ на косяхъ» и приказалъ трубить; всѣ собрались, — не было только великаго князя. Стали искать его и нашли подъ вѣтвями срубленнаго дерева; Владиміръ Андреевичъ объявилъ ему о побѣдѣ надъ татарами. Димитрій едва пришелъ въ себя: хотя на тѣлѣ его и не было ранъ, но панцырь его былъ весь измятъ отъ непріятельскихъ ударовъ. — Съ Куликова поля войска возвращались также чрезъ Рязанскую землю и съ тѣми же предосторожностями, какъ и тогда, когда шли къ Дону. Но на этотъ разъ дѣло обошлось не совсѣмъ благополучно: Олегъ, приказавъ препятствовать свободному движенію побѣдителей Мамай, самъ бѣжалъ въ Литву; между москвичами и рязанцами неизбежно происходили столкновенія. Димитрій хотѣлъ нака-

затѣ дерзость рязанцевъ и рать его уже готова была къ походу на Рязань; но явились рязанскіе бояре и били ему челомъ о мирѣ. Димитрій Ивановичъ далъ Рязани миръ, но посадилъ въ ней своихъ намѣстниковъ. Вскорѣ послѣ этого явился изъ Литвы Олегъ, и князья заключили между собою договоръ, по которому они обязывались жить въ братствѣ, желать другъ другу добра, извѣщать одинъ другаго о всемъ, что ни услышатъ о своемъ добрѣ или лхѣ отъ христіанина или отъ поганина, владѣть своими удѣлами и не вступаться одному въ удѣлъ другаго; дѣйствовать всегда заодно; не заключать, безъ обоюднаго согласія, ни съ кѣмъ мира, а паче съ Литвой и татарами; помогать другъ другу противъ общихъ враговъ и пр. Олегъ, по этому договору, считается младшимъ братомъ Донскаго. Кромѣ того, въ этомъ договорѣ точно опредѣляются границы Московской и Рязанской земель и перечисляются рязанскія мѣста, приобрѣтенныя Москвой, вѣроятно, еще при Иванѣ Ивановичѣ, а теперь, по этому договору, окончательно утвержденныхъ за Димитріемъ. Олегъ, затѣмъ, уступилъ послѣднему три мѣста: Тальцы, Выползовъ и Такасовъ. Но и Олегу слѣлана была уступка: ему возвращены были тѣ мѣста на рязанской сторонѣ, т. е. за Окой, которыя со временъ Ивана Ивановича считались за Москвой, какъ Лопастна, Мстиславль, Жадене Городище, Жадемль и др. Тула осталась за Димитріемъ, но въ вѣдѣніи ханскихъ баскаковъ, какъ было при ханшѣ Тайдулѣ; куплю свою, Мещеру, Димитрій укрѣпилъ за собой; говорится также въ договорѣ о татарскихъ мѣстахъ, взятыхъ обоими князьями, изъ которыхъ каждый долженъ пользоваться своими приобрѣтеніями. Между тѣмъ Мамай опять началъ собирать войска, чтобы идти на московскаго князя, но былъ оставленъ ханомъ Тохтамышемъ, пришедшимъ изъ-за р. Яика (Урала): враги встрѣтились на берегахъ р. Калки; разбитый Мамай бѣжалъ въ Кабу, гдѣ былъ убитъ генуезцами ²⁷⁰).

270) Ibid. I, 232—233; II, 227; III, 91—92, 231; IV, 75, 79—82, 193; V, 16, 238; VI, 90—97; VIII, 34, 38—41; Ник. IV, 98—122; С. г. г. и д. I, № 32; Сказ. русск. нар. Сахарова, IV, 66. Тверская лѣт., не сообщая никакихъ свѣдѣній о Куликовской битвѣ, говоритъ о «писаніи» Софонія-рязанца, брянскаго боярина, на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Очевидно, у лѣтописца было подъ руками какое-нибудь отдѣльное сказаніе. Въ «Словѣ о в. кн. Димитріи Ивановичѣ» и пр. (иначе «Задонщина»). Напечатано съ предисловіемъ Бѣляева во «Времени. Общ. Ист. и Др.» кн. XIV. М. 1852, а также Срезневскимъ въ «Извѣст. 2-го отд. Акад. Наукъ», т. VI, вып. V; наконецъ, архим. Варлаамомъ въ «Ученыхъ Зап. 2-го отд. Акад. Наукъ», V) неизвѣстный авторъ ссылается прямо на этого Софонія, который, можетъ быть, послужилъ образцомъ для другихъ, почему до насъ и дошло сравнительно большое число редакцій Сказанія о Куликовской битвѣ. Объ этихъ сказаніяхъ см. ст. Хрущова въ «Труд. третьяго археол. съѣзда, II: «О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву». — Новгородская вторая всѣ событія относитъ къ 1381 году. — Мѣсто засаднаго полка правдоподобно указываютъ на правомъ берегу

И такъ, въ ордѣ воцарился Тохтамышъ. Въ томъ же **1380 г.** онъ прислалъ къ в. кн. московскому и прочимъ русскимъ князьямъ пословъ съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ надъ Мамаемъ и о своемъ воцареніи. Димитрій, въ концѣ октября, послалъ въ орду килчеевъ съ дарами къ новому хану, а въ слѣдующемъ **1381 г.** Тохтамышъ отправилъ въ Москву посла Акхозю (Анхозю, Аххозю) съ 700 татаръ — звать великаго князя въ орду. Посолъ доѣхалъ до Нижняго-Новгорода, но въ Москву «не дерзну» ѣхать; онъ послалъ туда нѣсколько человекъ изъ своей свиты, но эти не осмѣлились идти въ столицу: должно было Куликовская битва произвела сильное впечатлѣніе на татаръ, или настроеніе тогдашняго русскаго общества, подъ вліяніемъ побѣды, было таково, что татары не рѣшались своимъ появленіемъ раздражать его. Тохтамышъ рѣшился силой оружія смирить своего улусника, но, какъ увидимъ, и онъ не совсѣмъ храбро пошелъ противъ куликовскаго героя. Сначала ханъ приказалъ перебить и пограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, чтобы отъ нихъ не было вѣсти на Москву о его походѣ; суда этихъ гостей онъ приказалъ доставить съ товарами къ мѣсту его переправы черезъ Волгу; затѣмъ, переправившись черезъ рѣку, онъ изгономъ устремился къ Москвѣ, чтобы напасть на нее въ-расплохъ. Нижегородскій князь, на котораго прежде всего обрушилась бы сила татарская, если бы того захотѣлъ Тохтамышъ, успѣшилъ предупредить послѣдняго изъявленіемъ покорности: онъ послалъ къ хану сыновей своихъ, Василія и Семена, которые, не найдши его на предполагаемомъ ими мѣстѣ, нагнали его на украинѣ Рязанской земли. Олегъ рязанскій, естественно, также поддался страху: въ противность недавно заключенному съ Димитріемъ договору, онъ указываетъ хану броды на Окѣ, конечно, съ цѣлью обвести его такъ, чтобы Рязанская земля избавилась отъ татарскаго посѣщенія («хотяше добра не намъ, но своему княженію помогааше»). У московскаго князя на ордынскій границѣ («на предѣлахъ ордынскихъ») были «поборницы суще земли Русской», и они-то дали знать въ Москву о наступленіи Тохтамыша. Димитрій Ивановичъ на-

рѣчки Смолки, впадающей въ Донъ. Здѣсь этотъ полкъ, въ случаѣ необходимости, могъ имѣть и другое назначеніе — прикрывать переправу черезъ Донъ (см. А. Фремова: «Куликово поле». М. 1849). Князь Голицынъ («Русск. военная исторія». Ч. 1. Спб. 1877) указываетъ мѣсто этого полка за правымъ русскимъ крыломъ у р. Непрядвы. Но едва ли могъ такъ распорядиться Димитрій, потому что въ случаѣ отступленія нужно было ретироваться къ Дону, а не къ Непрядвѣ. — Въ память убитыхъ тогда же положено было поминаніе ихъ, которое и до сихъ поръ совершается въ субботу (Дмитровская суббота), которая обыкновенно бываетъ между 18 и 26 октября. — Упоминаемое въ договорѣ Димитрія Ивановича Донскаго съ Олегомъ рязанскимъ Жадене Городище принимается издателями государственныхъ грамотъ и договоровъ въ однихъ изъ послѣднихъ за одно названіе, въ другихъ — за два отдѣльныхъ селенія.

чалъ собирать полки съ намѣреніемъ выступить противъ татаръ, но на совѣтѣ съ другими русскими князьями оказалось «неодиначество и неимовѣрство»: въ князьяхъ «обрѣтесе разность, не хотяху помогати». Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что причиною разногласія между князьями и нежеланія ихъ выступать противъ хана было оскудѣніе въ людяхъ послѣ Куликовской битвы: когда послѣ битвы стали считать воиновъ, то насчитали только 40,000, а на Куликово поле пришла не одна сотня тысячъ!... Вслѣдствіе «неодиначества и неимовѣрства» между князьями, Димитрій Ивановичъ ушелъ въ Переяславль, а отсюда, мимо Ростова, въ Кострому. Между тѣмъ въ Москвѣ поднялась страшная сумятица: одни хотѣли оставить городъ, другіе — затвориться въ немъ, и эти послѣдніе заняли всѣ городскія ворота и никого не выпускали изъ города, а если кого и выпускали, то не иначе, какъ сначала ограбивши. Не хотѣли-было выпустить даже митрополита и великую княгиню; послѣднюю даже «пріобидѣша». Во время этой сумятицы въ Москву явился литовскій князь Остей, названный въ лѣтописи внукомъ Ольгерда; онъ успокоилъ жителей, укрѣпилъ городъ и «сѣлъ въ осадѣ». Между тѣмъ Тохтамышъ, переправившись на лѣвый берегъ Оки, взялъ и сжегъ Коломну; 23-го августа **1382** года татары подошли къ Москвѣ и спрашивали, въ городѣ ли князь. Получивши отрицательный отвѣтъ, они объѣхали городъ и увидѣли, что вездѣ пусто и чисто, потому что сами жители все вокругъ Москвы пожгли, такъ какъ боялись примета къ городу. Осажденные, между тѣмъ, одни молились, другіе вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ старые меды и, подъ вліяніемъ ихъ, похвалялись, что татары ничего имъ не сдѣлаютъ, что они постоятъ—постоятъ, да и уйдутъ и т. д. Подъ вліяніемъ крѣпкаго меду эти храбрецы выходили на городскія стѣны и всячески ругались надъ татарами, которые на ругань грозили имъ саблями. 24-го августа къ Москвѣ пришелъ самъ Тохтамышъ, и началась осада: отъ мѣткихъ татарскихъ стрѣлъ падали многіе не только изъ стоявшихъ на стѣнахъ, но и находившихся внутри города; татары пытались даже перелѣзть черезъ стѣну, но осажденные лили на нихъ горячую воду, бросали громадные камни, стрѣляли изъ самострѣловъ, тюфяковъ (ружей) и пушекъ и пр. Три дня бились татары, но не могли взять города приступомъ. Наконецъ, они употребили хитрость: на четвертый день осады знатнѣйшіе ордынскіе князья вмѣстѣ съ нижегородскими князьями подошли къ городскимъ стѣнамъ и говорили осажденнымъ, что ханъ пришелъ не на нихъ, а на Димитрія, что онъ желаетъ только, чтобы граждане съ княземъ Остеемъ вышли къ нему на встрѣчу съ небольшими дарами, что ему хочется только посмотреть городъ, что онъ дастъ гражданамъ миръ и любовь; при этомъ нижегородскіе князья клялись, что ханъ не сдѣлаетъ имъ зла. 26-го августа кн. Остей и граждане

съ дарами, предшествуемые духовенствомъ съ крестами и иконами, вышли къ Тохтамышу. Татары незамѣтно взяли сначала Остѣя къ себѣ въ станъ и тамъ убили его, а потомъ бросились на гражданъ и духовенство и начали избивать ихъ; далѣе, ворвались въ Кремль и начали предавать все огню и мечу; церкви, княжескую казну, пожитки гражданъ и товары пограбили; сдирали ризы съ иконъ; пожгли множество книгъ, отовсюду снесенныхъ въ Кремль въ виду нашествія Тохтамыша. Пожегши и пограбивъ Москву, Тохтамышъ распустилъ татаръ своихъ по всему княженію. Раздѣлившись на отряды, татары пошли по разнымъ направленіямъ: къ Владиміру, Звенигороду, Можайску, Волоку, Рузѣ, Дмитрову, Переяславу, Юрьеву. Одинъ изъ такихъ отрядовъ едва не перехватилъ около Переяславля в. кн. Евдокію, пробиравшуюся къ семейству своему, въ Кострому... Тверская земля нисколько не пострадала отъ татаръ; тверскій князь получилъ даже ярлыкъ: очевидно, онъ успѣлъ умиловить хана, пославъ къ нему кличей съ дарами; случайность спасла и Московскую землю отъ дальнѣйшаго татарскаго разорѣнія: одинъ изъ татарскихъ отрядовъ подошелъ къ Волоку, не зная, что тутъ стоялъ кн. Владиміръ Андреевичъ, который разбилъ этотъ отрядъ. Татары въ страхѣ разбѣжались; они передали Тохтамышу о случившемся, и это обстоятельство ускорило выходъ татаръ изъ Московской земли. На обратномъ пути татары взяли Коломну; здѣсь они переправились чрезъ Оку въ землю Рязанскую, которую также опустошили, не смотря на то, что Олегъ оказалъ имъ услуги при движеніи ихъ къ Москвѣ. По уходѣ татаръ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ возвратились въ разоренную Москву. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Димитрій горько плакалъ, увидѣвши страшное разореніе города и множество убитыхъ. Трупы послѣднихъ онъ приказалъ хоронить, причемъ за 80 похороненныхъ труповъ давалось платы по рублю; всего на этотъ предметъ израсходовано 300 рублей: такимъ образомъ, убитыхъ татарами, по расчету, было 24,000, не считая утонувшихъ и сгорѣвшихъ. Далѣе, великій князь распорядился относительно возобновленія города; вызвалъ изъ Твери митрополита Кипріяна, который вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Кіевъ, такъ какъ великій князь гнѣвался на него за то, что онъ не сидѣлъ въ осадѣ. Въ томъ же **1382** году Димитрій Ивановичъ рѣшился наказать вѣроломнаго Олега рязанскаго за явное нарушеніе имъ договора: онъ послалъ рать въ Рязанскую землю; Олегъ бѣжалъ, — а московскіе полки землю его «пусту учиниша, пущи ему бысть и татарскія рати» ²⁷¹⁾.

271) Ibid. I, 233; II, 227; III, 92, 133; IV, 83—85, 87—90; V, 238; VI, 97—103; VIII, 41—48; XV, 441—443; Ник. IV, 131—138. У Татищева (IV, 295) говорится, будто Димитрій Ивановичъ, при нашествіи Тохтамыша, просилъ помощи у тверскаго князя.

Между тѣмъ для тверскаго князя обстоятельства складывались благоприятно: ханъ, какъ выше сказано, принялъ посла его благосклонно, не коснулся его земли и прислалъ ему ярлыкъ (подобно думать, судя по послѣдующей поѣздкѣ Мпхапла въ орду, это — ярлыкъ подтвердительный на Тверское княжество); Василий Михайловичъ Кашинскій умеръ бездѣтнымъ въ **1382 г.**, и удѣлъ его перешелъ въ семью Мпхапла Александровича, что значительно усиливало тверскаго князя; земля же Московская разорена была Тохтамышемъ и притомъ оскудѣла людьми послѣ Куликовской битвы. Всѣ эти обстоятельства могли подать поводъ Михаилу Александровичу — хлопотать о великокняжескомъ ярлыкѣ. И дѣйствительно, вскорѣ по уходѣ Тохтамыша, онъ отправляется въ орду вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Александромъ хлопотать о приобрѣтеніи великокняжескаго стола, но не прямою дорогою, а околицами, «опасаясь и таясь в. кн. Димитрія Ивановича, ища себѣ великаго княженія Володимерскаго и Новгородскаго». Станнымъ кажется, что въ концѣ того же **1382 г.** отъ хана пришелъ въ Москву посолъ Карачъ съ добрыми рѣчами для заключенія мира: ханъ заключаетъ миръ съ своимъ улусникомъ!... Или въ ордѣ свыклись уже съ той мыслью, что московскій князь есть какъ бы самостоятельный государь, съ которымъ хану приходилось считаться какъ съ равнымъ себѣ?... Надобно думать, что тутъ ошибка лѣтописца въ выраженіи. Ханскій посолъ былъ одаренъ великимъ княземъ и отпущенъ. Въ началѣ слѣдующаго **1383 г.** Димитрій Ивановичъ послалъ въ орду, со старѣйшими боярами, сына своего Василия «тягаться» съ княземъ тверскимъ о великомъ княженіи. Цѣлый годъ пробылъ Михаилъ въ ордѣ, но не достигъ цѣли: московскіе бояре успѣли, вѣроятно, подарками и хитрыми дипломатическими приемами склонить, кого слѣдуетъ, на свою сторону. «Я улусы свои самъ знаю, — сказалъ ханъ Михаилу, — и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служить правдою и я его жалую; а что неправда предомной улусника моего кн. Димитрія московскаго — и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служить правдою и я его жалую по старинѣ въ отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину, въ Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую». Все-таки Михаилъ оставилъ въ ордѣ сына, конечно, потому, что еще питалъ надежду на достиженіе желаемаго. Такъ смотрѣли на это и приближенные хана, какъ видно изъ того, что одинъ изъ ордынскихъ князей смущалъ княжичей: Василия, оставленнаго въ ордѣ самимъ ханомъ въ 8000 рубляхъ, и Александра, обѣщая каждому изъ нихъ великое княженіе, судя, конечно, по тому, кто будетъ щедрѣе. Лѣтописи отмѣчаютъ подъ тѣмъ же **1383** годомъ появленіе во Владимірѣ «лютаго посла» Адаша. Вѣроятно, онъ приходилъ за деньгами, въ которыхъ Василий оставленъ

былъ въ ордѣ. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ 1384 году Димитрій Ивановичъ приказалъ собирать тяжелую дань, съ каждой деревни по полтинѣ, а съ Новгорода — черный боръ. Тогда же, прибавляетъ лѣтопись, и золотомъ давали въ орду. Кажется, Димитрій Ивановичъ не скоро могъ уплатить денегъ въ орду, иначе сыну его Васплю не было бы нужды тайно бѣжать изъ орды въ 1385 году ²⁷²). Димитрій Ивановичъ, очевидно, находился въ затруднительномъ положеніи.

Олегъ рязанскій, не могшій, конечно, забыть 1382 года, когда московская рать опустошила его землю, теперь воспользовался обстоятельствами и, въ 1385 году, изгономъ пришелъ къ Коломнѣ, взялъ ее и плѣнилъ тамошняго намѣстника Александра Остея со многими боярами. Димитрій Ивановичъ послалъ на Рязань рать подъ начальствомъ Владимира Андреевича. Но на этотъ разъ счастье измѣнило послѣднему: москвичи были побиты; тутъ же убитъ былъ, между прочимъ, и внукъ Ольгердовъ, Михаилъ Андреевичъ полоцкій. При натянутыхъ отношеніяхъ къ ордѣ, при нѣкоторой расшатанности внутреннихъ дѣлъ, благоразуміе требовало отъ Димитрія, чтобы онъ, хотя на короткое время, избѣгалъ всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями, и по этому-то Димитрій Ивановичъ рѣшился предложить Олегу вѣчный миръ, умоливъ преподобнаго Сергія, тогда уже прославившагося святостью жизни, стать во главѣ посольства къ строптивому рязанскому князю. Сергій «чудными, тихими и кроткими рѣчами» склонилъ Олега на вѣчный миръ, который (въ 1387 г.) былъ скрѣпленъ родственнымъ союзомъ: дочь Димитрія вышла за сына Олегова Ѳедора ²⁷³).

Но если политика требовала осторожности по отношенію къ такимъ сосѣдямъ, какъ, напр., Олегъ рязанскій, отъ котораго можно было ожидать наступательныхъ непріязненныхъ дѣйствій, то по отношенію къ Новгороду

272) Ibid. III, 93; IV, 90; V, 238; VI, 103; VIII, 48—49; XV, 443; Троицк. у Карамз. V, прим. 103; Ник. IV, 141—144. По нѣкоторымъ лѣтописямъ порядокъ, въ которомъ изложены здѣсь событія шли одно за другимъ, совершенно иной. Такъ, напримѣръ, сначала идетъ въ орду Василій Димитріевичъ, а потомъ уже Михаилъ Александровичъ и т. п.

273) Ibid. VIII, 49, 51; Ник. IV, 147. Подробности объ этомъ см. въ соответственномъ мѣстѣ подъ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ.—Въ Никон. лѣтоп. говорится, что въ то же время Димитрій Ивановичъ послалъ рать на муромскаго князя, но при этомъ есть нѣчто непонятное, можетъ быть, вслѣдствіе пропуска: «иную рать послалъ князь великий Димитрій Иван. на Муромъ на князя безчестия». По Новгородской четвертой это было въ 1386 году, а по Софійской первой (по списку Царскаго) тогда же и притомъ послѣ похода на Новгородъ. Въ VIII, 49 говорится о неудачномъ походѣ Владимира Андреевича на Олега подъ 1385 годомъ и подъ 1387 г. о бракѣ Софіи и Ѳедора Олеговича, а въ IV, 95 и V, 240, 242 говорится подъ 1386 г., что Димитрій самъ пошелъ на Олега, взявшаго Коломну, а другую рать послалъ на Муромъ. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ лѣтописяхъ говорится, хотя и подъ разными годами, объ одномъ и томъ же походѣ.

такая осторожность была излишня, такъ какъ Новгородъ, по самому характеру отношеній къ тому или другому вел. князю, одинъ не могъ переходить въ наступленіе. Вотъ почему и при стѣсненныхъ до нѣкоторой степени обстоятельствахъ Димитрій Ивановичъ не могъ простить Новгороду нѣкоторыхъ винъ его.

Подъ **1386** годомъ находимъ въ лѣтописяхъ извѣстіе, что Димитрій Ивановичъ «дрѣжа гнѣвъ на Новгородъ про Волжанъ и про княжчины», т. е. за тѣхъ молодцовъ, которые гуляли по Волгѣ и Камѣ и избивали и грабили гостей и своихъ и чужихъ, а также и за то, что новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ (княжчинъ). Предъ Рождествомъ Христовымъ Димитрій выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ; съ ними были полки почти тридцати городовъ. Новгородцы выслали пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но великій князь мира не далъ, подступилъ ближе къ Новгороду и остановился въ 15 верстахъ отъ него. Новгородцы прислали другое посольство, во главѣ котораго стоялъ владыка Алексій, предлагавшій великому князю 8000 рублей. Но и это посольство не имѣло успѣха. Владыка послалъ къ новгородцамъ сказать, чтобы они держали «опасъ», потому что великій князь мира не далъ. Вслѣдствіе этого извѣстія новгородцы сожгли всѣ пригородныя постройки и (съ благословенія владыки) 24 монастыря и поставили острогъ. Однако новгородцы въ третій разъ рѣшились испробовать, не удастся ли уладить дѣло миромъ: они послали къ Димитрію двухъ архимандритовъ, семь священниковъ и пять человекъ житыхъ, по человекъ съ конца (Новгородъ дѣлился на 5 концовъ). Этому посольству удалось склонить Димитрія на миръ: 3000 рублей отданы были великому князю изъ Софійской казны, а 5000 р. новгородцы обѣщали доправить на Заволочьи, потому что заволочане также участвовали въ волжскихъ грабежахъ. Кромѣ того, новгородцы дали черный боръ. По заключеніи мира, Димитрій Ивановичъ возвратился въ Москву, откуда послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и черноросцевъ ²⁷⁴).

Въ **1388** году у Димитрія Ивановича произошло розмирье съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Лѣтописи, къ сожалѣнію, ничего не говорятъ о причинахъ этого розмирья; онѣ говорятъ только,

274) Ibid. III, 93—94, 132, 133; IV, 93—94, 138; V, 240—242; VIII, 50—51; XV, 444; Ник. IV, 149—150. Въ слѣдующемъ году окольными путями прибылъ въ Москву Василій Димитріевичъ, тайно бѣжавшій изъ орды, о чемъ см. ниже, подъ Васи́ліемъ. — Съ Димитріемъ шли на Новгородъ рати: московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимірская, юрьевская, муромская, мешерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, углицкая, ростовская, ярославская, можажская, галицкая, бѣжецкая, бѣлозерская, вологодская, устюжская и новоторжская.

что вслѣдствіе розни въ великій князь приказалъ схватить бояръ Владимира и развести ихъ по разнымъ городамъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы можемъ ограничиться только болѣе или менѣе близкими къ истинѣ догадками. Въ духовномъ завѣщаніи Димитрія мы, между прочимъ, читаемъ: «а которые деревни отымалъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лыткинскому селу моее княгини». Мы не знаемъ, когда Владимиръ «отымалъ» деревни великой княгини; видимъ только, что Владимиръ Андреевичъ хотѣлъ увеличить свой удѣлъ насильственнымъ присвоеніемъ деревень великой княгини. Не было ли что-нибудь подобное причиной розни между двоюродными братьями? Существуетъ еще предположеніе, что Владимиръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить своего права (по прежнимъ понятіямъ о старшинствѣ) на Великое Княженіе племяннику, т. е. сыну Димитрія, что и было причиной розни. Какъ бы то ни было, но вражда продолжалась короткое время: братья помирились; по мирно-договорной грамотѣ Василій Димитріевичъ считается по отношенію къ дядѣ своему, Владимиру Андреевичу, старѣйшимъ братомъ; по отношенію къ слѣдующему сыну Димитрія, Юрію, Владимиръ считается братомъ, а по отношенію къ младшимъ сыновьямъ — старѣйшимъ братомъ. Такимъ образомъ, этимъ договоромъ признается (въ первый разъ) преимущество, относительно престолонаслѣдія, племянника надъ дядею, такъ что великокняжескій столъ долженъ былъ переходить въ нисходящей линіи по праву первородства. Братья примирились въ день Благовѣщенія (1389 года), т. е. 25-го марта ²⁷⁵), а менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ того, именно 19-го мая, Димитрій Ивановичъ скончался, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ (39 лѣтъ). Заслуги Димитрія цѣнились уже его современниками, что видно изъ дошедшаго до насъ особаго сказанія о его подвигахъ и изъ житія его: благочестіе, трезвая жизнь, цѣломудріе до и послѣ брака, кротость, щедрость къ Божіимъ церквамъ — вотъ характерныя черты, которыя житіе выставляютъ на видъ ²⁷⁶).

Отъ брака съ Евдокіей Димитріевной (1366 г.), дочерью Димитрія Константиновича суздальско-нижегородскаго, Димитрій Ивановичъ имѣлъ дѣтей: *Даніила*, умершаго раньше отца, — *Василія*, вполнѣдствіи великаго

275) Ibid. VIII, 52; Ник. IV, 159; С. г. г. и д. I, № 33. Предположеніе о томъ, что Владимиръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить правъ старшинства племяннику, см. у Вешнякова въ его разсужденіи «О причинахъ возвышенія Моск. княжества», 108; К. Н. Б.-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 403) говоритъ объ этомъ положительно.

276) Ibid. II, 351; III, 95, 134; IV, 139, 531; V, 17; Ник. IV, 119, 184. По Троицк. (т. I, 233) Димитрій скончался въ 1388 году; по Новгород. первой — въ 1389 мая 9-го, а по Новгород. четвертой — въ томъ же году, но мая 19-го. Онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

князя московскаго, — *Юрія, Семена, Ивана, Андрея, Петра и Константина*, родившагося за нѣсколько дней до смерти отца; дочерей: *Софію*, бывшую, съ 1387 года, за Ѳеодоромъ Олеговичемъ рязанскимъ; *Марію*, бывшую, съ 1394 г., за кн. лиговскимъ Семеномъ (Дугвениемъ) Ольгердовичемъ; *Анастасію*, бывшую за кн. Иваномъ Всеволодовичемъ холмскимъ (изъ тверскихъ), и *Анну*, родившуюся въ годъ замужества Софіи.

Въ духовномъ завѣщаніи Димитрія Ивановича прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, по выраженію нашего историка (*Соловьевъ*, III, 380), «не слыханное прежде распоряженіе»: Димитрій благословляетъ старшаго изъ оставшихся сыновей Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ, какъ *своей отчиной*: «А се благословляю сына своего, князя Васплѣя, *своею отчиною* Великимъ Княженемъ». Чтобы упрочить великокняжескій столъ за своимъ родомъ, въ случаѣ бездѣтной кончины Васплѣя, и устранить притязанія на Великое Княженіе, могшія послѣдовать со стороны Владиміра Андреевича, Димитрій Ивановичъ предусмотрительно сдѣлалъ оговорку, которая, впрочемъ, по кажущейся неясности своей, подала впослѣдствіи поводъ Юрію Димитріевичу (галицкому) оспаривать великокняжескій столъ у преемника Василия Димитріевича. Оговорка сдѣлана была такая: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Васплѣя, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгиня». Очевидно, по этому распоряженію, слѣдующій за Васплѣемъ братъ могъ занять великокняжескій столъ только въ случаѣ *бездѣтной* кончины Василия, чего Димитрій Ивановичъ могъ опасаться въ виду того, что Василий не былъ еще женатъ во время написанія духовной грамоты. Кромѣ Василия въ живыхъ оставалось еще пять сыновей Димитрія: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ, родившіеся за нѣсколько дней до смерти отца, почему въ завѣщаніи о немъ и говорится только гада-тельно.

По духовному завѣщанію, свою отчину Москву великій князь поручаетъ только четверемъ сыновьямъ: Василию, Юрію, Андрею и Петру. Устраненіе Ивана можетъ быть объяснено его болѣзненностью и склонностью къ монашеской жизни; а Константина, при написаніи духовнаго завѣщанія, какъ сказано, еще не было на свѣтѣ. — Въ Москвѣ и принадлежавшихъ къ ней станахъ Димитрій Ивановичъ владѣлъ двумя жребіями: жребіемъ отца своего и дяди Семена Ивановича Гордаго; третій жребій, которымъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ, и теперь остался за послѣднимъ. Великій князь половину изъ своихъ жребіевъ отдаетъ Василию *на старшій путь*; другая половина раздѣлена между остальными тремя сыновьями, а великой княгинѣ Евдокии была назначена часть городскихъ доходовъ. Вла-

дѣнія же свои, города и селенія Московскаго княжества, Димитрій Ивановичъ раздѣлилъ слѣдующимъ образомъ: а) Василию дана *Коломна* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ и часть собственнаго прикупа Димитріева; села: Красное съ Елизаровскимъ и Проватовымъ и село Васильевское въ Ростовѣ; б) Юрію даны: *Звенигородъ* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ, *Галичъ*, названный Димитріемъ куплею дѣда (Ивана Калиты), прикупы отца: село Кузюдемьянское, село Богородицкое въ Ростовѣ, два села костромскихъ, Борисовское и Миккульское, и починокъ за Вяткой; в) Андрею: *Можайскъ* съ волостями, *Верея*, *Калуга*, *Медынь*, нѣсколько селъ московскихъ и купля дѣда — *Блыозеро* съ волостями; г) Петру: *Дмитровъ* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ и волостей, прикупъ свой — село Богородицкое на Баголѣ и купля дѣда Димитріева — *Угличе-Поле*, Тошна и Сяма. Ивану изъ Московской отчины ничего не назначено, — онъ былъ сильно обдѣленъ; ему даны: Раменецъ (Раменейце), село Звѣрковское съ Соханскимъ починкомъ и Сохна. Димитрій сознавалъ, что Иванъ надѣленъ, сравнительно, бѣдно, и, кажется, по этому сдѣлалъ въ завѣщаніи такую оговорку: «а Сохна сыну же моему князю Ивану; а въ томъ удѣлѣ волень сынъ мой, князь Иванъ: *который братъ до него добръ будетъ*, тому дастъ»; д) великой княгинѣ выдѣлено было изъ удѣла каждаго сына по участку и дано нѣсколько примысловъ самого Димитрія, какъ Самойлецевъ, и села: Петровское, Фроловское и Елохъ. Наконецъ, чрезвычайно важно распоряженіе Димитрія о томъ, чтобы мелкіе князья Московской земли жили въ Москвѣ. Этимъ, во-первыхъ, усиливался блескъ московскаго двора, и великій князь становился полнымъ хозяиномъ не только всей Московской земли, но и мелкихъ владѣтельныхъ князей ея, на которыхъ народъ, въ силу положенія ихъ при московскомъ дворѣ, долженъ былъ смотрѣть, какъ на слугъ великаго князя, а на послѣдняго, какъ на главу и этихъ князей, и всей Московской земли. Во-вторыхъ, эта мѣра, съ теченіемъ времени, должна была привести къ образованію служебныхъ князей, о которыхъ въ первый разъ говорится въ договорной грамотѣ Василия Васильевича и Андрея и Константина Димитріевичей съ Юріемъ Димитріевичемъ галицкимъ, — а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта мѣра привела къ образованію бояръ изъ служебныхъ и вотчинныхъ князей²⁷⁷).

277) Лѣтописныя извѣстія о женитбѣ Димитрія Ивановича, о смерти его супруги, о рожденіи и бракахъ его дѣтей см. въ П. С. Р. Л. I, 232—233; IV, 65, 67; V, 90, 230, 232, 246; VII, 237; VIII, 14, 19, 21, 42, 49, 51—52, 64, 81; Ник. IV, 82, 147, 152, 184, 191; С. г. г. и д. I, № 33, 34, 37, 46, 47 и пр. — О старшинствѣ сыновей Димитрія Ивановича см. въ біографіи сына его Ивана въ I приложеніи въ концѣ этого тома.

Приводя, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ факты изъ жизни и дѣятельности Димитрія Ивановича, мы видимъ, что главная заслуга его предъ исторіей состоитъ въ сознательномъ стремленіи къ ослабленію сплывшихъ удѣльныхъ князей и уничтоженію князей мелкихъ удѣловъ, другими словами—въ стремленіи къ централизаціи власти, къ единодержавію. Это—во-первыхъ; во-вторыхъ, въ столь же сознательномъ стремленіи къ освобожденію отъ татарскаго ига. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и договорныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемся съ такими выраженіями: «а оже ны Богъ избавить, ослободить отъ орды» «а перемѣнить Богъ орду» «а отдалится отъ насъ орда» и т. д. Конечно, слава заслугъ Димитрія не принадлежитъ исключительно ему одному: она принадлежитъ столько же ему, сколько и его предшественникамъ, начиная съ его дѣда: они мирно, терпѣливо, хотя нерѣдко при помощи хитрости и коварства, подготавливали, къ достиженію намѣченныхъ цѣлей, тѣ средства, которыми воспользовался Димитрій. Но уже чрезвычайно важно и то, что онъ сумѣлъ воспользоваться этими средствами.

Василій Димитріевичъ.

р. 1371 † 1425.

Уже съ юныхъ лѣтъ Василій Димитріевичъ, хотя и несамостоятельно, является дѣйствующимъ лицомъ на политической сценѣ. Послѣ разгрома Москвы Тохтамышемъ въ 1383 г. апрѣля 23-го, когда ему было еще только 12 лѣтъ, отецъ послалъ его въ орду тягаться съ Михайломъ Александровичемъ, в. кн. тверскимъ, о великокняжескомъ столѣ²⁷⁸). Михайлъ вышелъ изъ орды, не достигши своей цѣли; но онъ, кажется, въ надеждѣ, что дѣла въ ордѣ могутъ измѣниться въ его пользу, оставилъ тамъ сына своего Александра (Ордынца), — между тѣмъ какъ московскаго княжича оставилъ самъ ханъ въ 8000 рубл. сер. московскаго долга. Василю или, лучше, сопровождавшимъ его боярамъ приходилось все-таки бороться съ тверскимъ

278) До 1383 г. лѣтописи сообщаютъ слѣдующія извѣстія о Василю Димитріевичѣ: онъ родился 30 декабря 1371 г. (П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 232; VIII, 19; Ник. IV, 32); въ 1377 г. присутствовалъ при погребеніи митр. Алексія (ibid. VIII, 28); въ 1380 г., во время похода Димитрія Ивановича противъ Мамаю, онъ оставался въ Москвѣ съ прочими членами великокняжескаго семейства, которое поручено было Ѳеодору Андреевичу Свиблу (ibid. IV, 78; V, 238; VI, 92; VIII, 36).